

84.2РосБ-4к
К-64

КОЧИДОМСКИЕ БЕРЕТА

Рассказы,
стихи,
публицистика

I7493

84.2Росб-4к
К-64

КОЧЕДОМСКИЕ БЕРЕГА

Посвящается
60-летию г. Осинники

С благодарностью и уваже-
нием к биб-ке и связям
с 60-летием г. Осинники

Рассказы
стихи,
публицистика

С ув. Л. И. Маслов

Осинники—Кемерово
1997

04.12.98г.

КОЧЕДОМСКИЕ БЕРЕГА

Литературно-художественное издание.
Рассказы, стихи, публицистика.

Редакторы-составители:

Куропатов Владимир Федорович,
Майский Павел (Мертвецов Павел Николаевич).

Издатель: администрация города Осинники.
Издательство «Вен-Мер»,
1997.

Оригинал-макет изготовлен
на компьютерном комплексе газеты

«Кузнецкий край».

Техническое редактирование и вёрстка А.Е.Горбатенко.
Компьютерный набор З.С.Носковой.
Корректурa Т.С.Тодорович.

- 64 В 29 -

Осинниковская ЦБС

Кемеровская обл.

Найти этот город на географической карте совсем не трудно. Он находится в центре южной части Кузбасса. Возле принадлежащего ему кружочка — условные значки, говорящие о том, что город производит, чем богат и славен: добыча угля, металлообработка, выпуск стройматериалов, легкая и пищевая промышленность. Семь десятилетий потребовалось для того, чтобы жители его смогли создать потенциал, который имеют Осинники сегодня.

Как это происходило? Об этом расскажет глава администрации города Михаил Михайлович МАСЛОВ.

А в силу своего голоса воспоют город, его творцов и тружеников и окрестную природу поэты и прозаики — не сторонние, не заезжие, а связанные с ним крепкими узами жизни в нем и любви, многим в себе обязанные ему, как отцу и матери.

Одна особенность Осинников. По нынешним меркам — это средний по величине город, но, пожалуй, самый протяженный во всей России — тянется с севера на юг 63 километра. И почти все время вдоль реки Кондомы. Отсюда и явилось название книжки, которую ты, читатель, держишь в руках, — «Кондомские берега».

Николай ЖИГУНОВ

ОСИЧНИКИ

Я стою на перекрестке,
Разволнован, не дыша,
Ветер милой, доброй кошкой
Размурлыкался в ушах.
Я люблю тебя, мой город,
За добро, за блеск, за смех..
И у дедушки Егора
Дом всегда открыт для всех!

Михаил МАСЛОВ,
глава администрации г. Осинники

ГОРОД, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

I. ИСТОКИ

Сегодня никто не может назвать первооткрывателя основного богатства города — месторождений каменного угля, причем ценнейших марок. Хотя не вызывает сомнения, что местные жители, шорцы, а вслед за ними и пришельцы — русские, знали о его наличии.

Потом геологи обозначат несколько месторождений — Осинниковское, Шушталепское, Алардинское...

Но это будет потом, а пока расскажем о становлении Осинников.

В книге «Сибирский наблюдатель» М.М.Самойлова, изданной в г. Томске в 1901 году, приводится описание шорских селений XIX века: «Жалкие поселения, или улусы, дают вам знать, что вы подвигаетесь к Черни и что вы въехали в местность, населенную черневыми татарами (так в XVIII-XIX вв. называли шорцев).

Черневые татары — это... самое бедное и жалкое племя во всей Западной Сибири. Нищета на всяком шагу поразительная. Поближе к Кузнецку в улусах можно еще встретить по одному или по два хороших дома с амбарами и надворными строениями. Это дома местных богачей из тех же татар, беспощадно эксплуатирующих своих единоплеменников...»

Таким же шорским улусом начиналось рождение нашего города. Красиво назвали первые шорцы свое поселение — «Тахдаг-ал», что в переводе означает «улус на осиновых горах».

Селились шорцы на левом и правом берегу речки Кандаеп, протекающей с востока на запад. По обоим берегам густо росла осина. Селились и по берегу реки Шурак. Шорцы считали: осина всем деревьям голова, поэтому они ее не употребляли ни для костров, ни на бытовые нужды.

Первые русские переселенцы в этих местах перевели название улуса по-своему и стали называть его Осиновка.

Улус Осиновка был местом «корыстных притеснений со стороны волостных начальников» — так писал русский писатель Н.И.Наумов, посетив его в конце XIX века.

Точная дата возникновения Осинников неизвестна. Например, в географическом словаре Кузбасса «От Абы до Яи» пишется: «Вырос из шорского улуса». Ни слова о том, когда появился этот «росток». Молчат и другие издания, например, энциклопедии.

Бесспорно одно — возникли Осинники как селение позднее XVII века. Об этом можно полагать по такому факту. В 1699-1701 гг. тобольский картограф и историк Семен Ульянович Ремизов составил первый атлас Сибири с указанием населенных пунктов, существовавших к тому времени. Об Осинниках или селении, которое дало ему начало, там нет ни слова. Из поколения в поколение передается легенда, что первым поселенцем улуса был кузнец-оружейник Кузедей, шорец по национальности.

В 1800-1806 гг. местные жители, шорцы, заложили и

поселок Шушталеп. Примерно до конца прошлого века поселок был чисто шорским. Начиная с 1900 года в Шушталеп приезжают русские. Однако местные жители принимают не всякого. Предпочтение отдавали тем, кто знал ремесла и кто щедро одаривал... водкой.

II. СТАНОВЛЕНИЕ

В начале XX века, в ходе столыпинских аграрных реформ, в наши края хлынули из европейской части России переселенцы.

От тех лет остался документ, который позволяет хотя бы косвенно судить, что представляли тогда Осинники. По данным 1913 года, в улусе по плану земельного надела числилось 233 души. Однако землю имели право получать только «души» мужского пола. Выходит, осиновцев было тогда не менее 500 человек. Пашни на всех выделяли 872 десятины.

Десятина — русская единица земельной площади, равная 2400 кв. саженьям, или 1,09 га. Выходило, что менее четырех десятин на «душу». Немного! Двадцать десятин ушло под усадьбы и восемнадцать — под церковный надел.

Чтобы понять остроту событий, которые последовали в наших краях во время первой мировой и гражданской войн, и то, почему они принимали непримиримый характер, немного остановимся на изменениях, которые происходили среди местного населения.

В Сибири тогда скопилось до 700 тысяч неустроенных переселенцев. Иногда они арендовали землю или батрачили у местных старожилов-кулаков, а чаще просто бедствовали. Бывало, переселенцы самовольно захватывали пустующие кабинетные земли и отказывались от арендной платы.

Невиданные масштабы приняли порубки кабинетных лесов.

Выходит, хотя в наших краях прослойка зажиточных крестьян была значительной, тем не менее происходило резкое расслоение населения. Многоземелье Сибири, способствуя ускоренному росту зажиточного крестьянства, не могло спасти бедняков от кулацкой кабалы. Ведь, даже получив землю, переселенцу еще требовалось многое: лошадь, семена, плуг, борона и т. д. Затрат немало, а где взять деньги? Брали в долг под проценты.

Таким образом, к 1914 году бедняки составляли примерно треть населения Кузнецкого уезда. Все это усиливало социальную напряженность. А тут грянула первая мировая война, которая еще больше обострила обстановку. Были мобилизованы практически все работоспособные мужчины, резко сократились посевные площади.

Мобилизации следовали одна за другой. Например, в 1916 году многие мужчины Осиновского улуса и Калтана были призваны на строительство военных укреплений и на фронты боевых действий.

Затяжная война и ухудшение положения дел в деревне привели к тому, что движение масс становилось все более угрожающим. Переселенцы настойчиво добивались земли. Участились случаи поджогов кабинетных и казенных лесов.

Волнения произошли и в начале 1917 года в связи с реквизициями продовольствия и фуража для армии.

В июне 1917 года, когда раскаты февральской революции докатились до Кузбасса, созданное здесь в 1912 г. акционерное общество Кузнецких каменноугольных копий («Копикуз») свернуло разведывательные работы. Но многие рабочие геологоразведки остались в Осиновке и создали революционный сельский местный Совет. Его организатором стал рабочий Федор Николаевич Токмашев, один из первых шорцев-коммунистов.

А в 1918 году, когда началась гражданская война, Совдеп для защиты Советской власти организует отряд Красной Гвардии под руководством Ф.Токмашева и А.Сандыкова.

В 1920 году состоялся Кузнецкий уездный съезд Советов, к которому перешла вся власть в Кузнецком уезде. Его делегатами от улуса Осиновки были шорцы А.И.Побызаков, Ф.Н.Токмашев. Из воспоминаний П.А.Алдохина следует, что коммунист Ф.Н.Токмашев в январе 1920 года был и организатором комсомольской ячейки в Осиновке, А.К.Сандыков — первым секретарем ее. Первыми комсомольцами стали русские и шорские парни и девушки: Семен Токмашев, Николай Побызаков, Петр Экешев, Мария Арыкова, Ольга Васильева. С 1921 по 1926 годы первым секретарем осиновской комсомольской ячейки был С.Токмашев.

На первую комсомольскую конференцию Кузедеевской волости были избраны А.Сандыков и С.Токмашев. А.К.Сандыков — учитель — вспоминает о тех днях: «Мы открыли народом в улусе Осиновка в бывшем поповском доме. Ставили в нем пьесы, инсценировки, разучивали и пели революционные песни, проводили читки газет, антирелигиозные вечера, устраивали различные игры. На постановках пьес народом всегда был переполнен. Другой большой работой была ликвидация неграмотности взрослого населения».

Отметим и другое.

В списке населенных мест Томской губернии (г. Томск, 1923 г.) имеются сведения о том, что улус Осиновка входил тогда в состав Кандалепского общества Кузедеевской волости Кузнецкого уезда Томской губернии. По данным переписи 1920 г. в ней насчитывались 81 двор и 402 жителя.

В первые годы Советской власти преобразилась Горная Шория, канули в вечность безграмотность и невежество, возродился шорский национальный язык, появилась своя интеллигенция.

Осиновка становилась одним из промышленных центров Сибири. Ее дальнейшая история неразрывно связана с проектированием и строительством Кузнецкого металлургического комбината.

Наступил 1926 год.

В начале февраля на заседании комиссии ВСНХ РСФСР совместно с Президиумом Сибсовнархоза заслушали доклад члена горно-металлургической подкомиссии Зуева о постройке Тельбесского завода.

Было решено начать комплекс подготовительных работ: проверить запасы железных руд Тельбесского месторождения, детально разведать и определить запасы угля на Осиновском месторождении, выбрать место для строительства металлургического завода.

От проекта доменщика М.К.Курако, который хотел построить небольшой по мощности завод в районе Шушалеца, отказались, так как решили построить металлургический гигант с несколькими домнами, большим числом мартеновских печей и другими производствами.

Для них потребовалось бы много воды, но обеспечить этого Кондома была не в силах.

Так было организовано «Тельбесбюро» по проектированию и строительству металлургического завода и шахт. В июле 1926 года правительственная комиссия выбрала место для строительства Кузнецкого металлургического завода около Кузнецка, на левом берегу Томи. Тем же летом по поручению «Тельбесбюро» в Осиновку прибывает геологоразведочная партия под руководством инженера-геолога И.Г.Николаева. Кроме разведочных работ, ей поручалось как можно быстрее проверить результаты разведки, проведенной ранее Козловым («Копикуз»), и добыть из разведочных штолен уголь, чтобы проверить, можно ли из него делать кокс.

Вот так с 1926 года и началось промышленное исследование углей Осиновского месторождения.

Осенью 1926 года на место геологоразведки был вызван для консультации профессор Б.И.Бокий. По его заключению в ноябре этого же года «Тельбесбюро» приняло решение об образовании Осиновского рудника.

Вскоре, в 1936 году, были заложены штольни шахт № 9 и 10, год спустя, шахты № 4. В 1930 году было добыто

9140 тонн угля. Через год шахты связала железная дорога, проложенная от станции Кандалеп. Таким образом, вопрос с отгрузкой угля был решен. Осиновский рудник стал одним из цехов Кузнецкого металлургического комбината.

1932 год был первым годом промышленной разработки шахтного поля, 7 ноября шахтеры собрались на промплощадке будущей шахты «Капитальная-1» на митинг, посвященный празднику Октября. Он был особенный, так как к этой дате приурочили закладку главного ствола.

В том же 1932 году была открыта школа горнопромышленного ученичества — Горпромуч. Одновременно строились и общеобразовательные школы.

Не только хорошей работой отличались осиновцы. Они проявляли активность и в общественных делах. Начало этому положили еще комсомольцы шорского улуса.

На руднике открыли клуб — рубленое деревянное здание с надстроенным верхом над сценой. Затейники, чтецы, декламаторы, плясуны, гармонисты, певцы собирались в кружки художественной самодеятельности.

Не обошлось без перегибов в антирелигиозной борьбе. Например, в 1931 году, когда секретарем комсомолки поселка был Федор Попков, комсомольцы сняли с церкви колокола, а потом раскатали и саму церковь...

В 1933 году к празднику годовщины Октябрьской революции открыли клуб имени Сталина, ныне «Октябрь». В нем состоялось торжественное заседание, посвященное годовщине Великой Октябрьской революции. В этом же клубе осиновцы торжественно встречали участников челябинской эпопеи — Героев Советского Союза летчика Слепнева и Бабушкина...

Несколько подробнее о самой поселке. Осиновка того времени — это, по существу, была одна улица с отводами по логам.

Главной была улица Ленина. Она тянулась от нынеш-

ней остановки «Горземотдел» до здания ремонтно-строительного управления.

Жилые постройки были и в районе шахт № 9 и № 10, на Первогорном районе.

Еще в начале тридцатых по инициативе комсомольцев в поселке построили стадион, рядом с ним — парк культуры. Теперь этого прекрасного уголка нет и в помине: в 1945 году по производственной необходимости его отвели под терриконик шахты «Капитальная».

В 1936 году осиновцы занялись озеленением поселка. Тополя, высаженные тогда по улицам Куйбышева, Ленина, Новостройка, сохранились до сих пор.

Молодежь рудника увлекалась спортивно-оборонной работой, особенно планеризмом. Наиболее стойким из энтузиастов-планеристов оказался инструктор физкультуры Иван Мавренкин, который прошел полный курс обучения в Сталинске (Новокузнецк). При его участии в 1937 году в Осиновке был создан филиал летной школы Сталинского (Новокузнецкого) аэроклуба. В годы Великой Отечественной войны многие его выпускники сели за штурвалы боевых самолетов.

Отсюда начал свой летный путь летчик-истребитель, Герой Советского Союза, бывший машинист электровоза шахты «Капитальная» Петр Ефимов.

Комсомольцы предвоенных лет были прямо-таки одержимы спортивно-оборонной работой и вели за собой молодежь. Сдача норм на спортивно-оборонные значки для многих стала первостепенной задачей. Причем эту честь надо было заслужить. Плохое поведение на производстве, в быту, в общезитии, общественных местах лишало человека такого права.

Нельзя не подчеркнуть и такую деталь. Среди населения Осиновки было немало спецпереселенцев. Их вклад в строительство и развитие города велик. Например, шахты, железную дорогу до города и до шахт в городе, многие дома строили именно политические заключенные. Ведь

в Осиновке размещались лагеря и зоны репрессированных. Это печальная страница в истории нашего города.

4 декабря 1938 года рабочий поселок Осиновка был преобразован в город Осинники. В это время население рудника уже составляло около 32 тысяч человек, работало 10 школ, в которых обучалось около 7 тысяч учащихся, преподавало 173 учителя. Работали девять детских садов и яслей, больница и поликлиника, три амбулатории, пять здравпунктов, три родильных дома, 46 магазинов и другие культурно-бытовые объекты.

III. В ЛИХУЮ ГОДИНУ

Чем дальше отделяет нас время от того дня, когда мирный труд народа был прерван нападением гитлеровской Германии, тем величественнее видится нам подвиг народа в борьбе с немецким фашизмом.

Внесли свой вклад в дело победы и осинниковцы.

Уже 22 июня в городской военный комиссариат стали поступать сотни заявлений от горожан с просьбой зачислить их в ряды бойцов Красной Армии.

Уходили эшелоны на запад. А поток заявлений добровольцев рос и рос. Например, второго августа по призыву в армию только с шахты «Капитальная» ушло 120 человек.

Это сказалось на делах производства. Например, если план угледобычи 1941 года был выполнен на 114,3 процента, то только за счет производительной работы в первом полугодии. Что же касается второго полугодия, то здесь сплошной провал: рудник в целом справился с заданием по добыче топлива лишь на 75,1 процента. Шахты работали со значительной нехваткой горняков, особенно ведущих профессий. Создалось положение, когда стране как никогда требовался уголь, а угольной промышленности — кадры. Чтобы разрядить обстановку, принимались всевозможные меры. Они привели к тому, что в городе,

кроме основных жителей, привлекались к труду переселенцы или попросту кулаки, сосланные еще в тридцатые годы.

Потом прибыло новое «пополнение». Вот что рассказывал ветеран войны и труда, в прошлом мастер шахты «Капитальная», Б.Я.Гевейлер, который с 1941 года служил в действующей армии под Ленинградом:

— Нас, немцев и финнов, собрали в одну команду и объявили: вы демобилизуетесь из рядов армии и направляетесь в распоряжение угольной промышленности до окончания войны. Так мы оказались в Осинниках. Здесь уже находились немцы из Поволжья. Нас, не имевших никакого представления о горняцком труде, направили работать лесодоставщиками. Через месяц перевели навалотбойщиками в лаву, где в основном работали спецпереселенцы. К тому времени из спецпереселенцев уже сформировали несколько отдельных участков.

Главная задача шахтеров в военные годы заключалась в том, чтобы не посадить на «голодный» угольный паек оборонные и в первую очередь металлургические предприятия страны.

Решалась задача в неимоверно трудных условиях, на пределе человеческих сил, при острейшей нехватке самого необходимого. Но решалась... Вот о чем говорят факты.

Если в 1941 году горняки отправляли своим потребителям свыше 2262 тыс. тонн угля, или девять процентов от общекузбасской добычи, то в 1945-м — соответственно 2965,6 тыс. тонн, или десять с половиной процентов. Чтобы не утруждать читателя цифрами, здесь не называются объемы сверхплановой добычи.

Что лежало в основе успеха? Старожилы, вспоминая о той поре, говорят немало теплых слов о настойчивости людей. И все как один подчеркивают прямо-таки выдающуюся роль командиров угольного производства Осинниковского рудника.

Кто же они, угольные генералы военных лет, ставшие, кстати говоря, в послевоенные годы руководителями областного и всесоюзного масштабов, крупными учеными? Это Т.М.Горбачев, бывший главный инженер шахты «Капитальная» и треста «Осинникиуголь», а позднее — член-корреспондент Академии наук СССР, вице-президент ее Сибирского отделения, Герой Социалистического Труда; это горный инженер В.Д.Никитин, в 1940-1943 гг. возглавлявший шахту «Капитальная», позже председатель Кемеровского совнархоза, заместитель министра угольной промышленности СССР; С.И.Дмитриев, бывший главный инженер шахты «Капитальная», ставший кандидатом технических наук, директором Кузнецкого научно-исследовательского угольного института, и целый ряд других, без преувеличения выдающихся личностей.

В августе 1942 года приказом по Наркомуглю управляющим трестом «Молотовуголь» (впоследствии «Осинникиуголь») был назначен А.Н.Задемидко, крупный хозяйственник, опытный организатор угольного дела. Обстановка на шахтах была сложной — всюду нехватка даже самых необходимых материалов, транспорта, кадров.

Свою работу новый управляющий начал с того, что тщательно проанализировал обстановку и на собрании городского партийного актива предложил программу действий. Думается, нет необходимости рассказывать о ней в деталях. Лишь отмечу, что после ее реализации и до конца войны не случилось ни одного месяца, когда бы осинниковские горняки не выполняли государственный план или задание Государственного комитета обороны (ГКО).

А.Н.Задемидко помогало то, что почти на всех шахтах работали его ученики и он хорошо знал их возможности. Например, умело направлял дела на шахте № 10, или просто на «Десятой», В.Г.Кожевин, под руководством А.С.Ременского «вышла на план» «Четвертая».

Особо хочется рассказать об Александре Федоровиче Кучине, начальнике шахты «Капитальная-1» в 1943-1947 гг.,

а позднее — управляющем трестом «Прокопьевскуголь», Герое Социалистического Труда. Под его руководством «Капитальная-1» не только постоянно обеспечивала задания по добыче угля, но и значительно перевыполняла их. За этот трудовой подвиг шахте на вечное хранение оставлено переходящее Красное знамя ГКО, многие горняки удостоены высоких правительственных наград.

Александр Федорович по своей натуре был талантливым организатором. Не признавал кабинетной работы. Ему хотелось личным примером подвигать людей на выполнение производственных заданий, сколь бы трудными они ни были. Был случай: шахта оказалась без очистного фронта, и нужно было срочно подготовить лаву длиной в 120 метров. Для этого вручную за трое суток надо было пройти горную выработку. Объем предстоящей работы казался фантастическим. Тем не менее за нее взялась бригада Синюкова (к сожалению, с достоверностью не удалось установить имя и отчество вожака горняков). Громадная работа была выполнена раньше срока. В забое бок о бок с горняками работал и А.Ф.Кучин.

В самое трудное время начальником «Десятой» стал В.Г.Кожевин, впоследствии ректор Кузбасского политехнического института. Ветеран шахты, ныне — покойный, А.Ф.Фриц вспоминал о Владимире Григорьевиче:

— Он не пропускал ни одного наряда перед спуском рабочих в забой. Разбирался в обстановке, уточнял задания, рассказывал вместе с парторгом о делах на фронте, в городе, на шахте. Дважды в неделю В.Г.Кожевин сам спускался в забой и постоянно выполнял нормы, положенные забойщику. Это была продуманная линия: во всем быть примером для подчиненных. В значительной мере именно поэтому шахта стала одной из передовых и начиная с четвертого квартала 1942 года ни разу не упустила переходящее Красное знамя ГКО.

На вывозке угля по-прежнему в ряде забоев использовались лошади. Например, на шахте № 4 для этого

вплоть до 1946 года существовал на третьем уклоне подземный конный двор на 50-60 лошадей. Под землей их и кормили. За каждой лошастью прикреплялся коногон. Интересно отметить, что многие лошади признавали только своего хозяина, и стоило немалого труда работать на ней кому-то другому.

Значительные изменения произошли в качественном составе горняков. Так, за годы войны шахта «Капитальная-1» пополнила свой комплект в основном за счет мобилизованных в разных уголках страны, присланных из запасных стрелковых полков, а также за счет эвакуированных. К тому же надо учесть, что в забоях работали репрессированные, спецпереселенцы, эвакуированные.

Примерно такая же обстановка была на других шахтах.

Надо сказать, с начала 1945 года все ожидали окончания войны со дня на день. Но пришло это известие неожиданно, когда вечером в клубе «Октябрь» проходил слет стахановцев.

В истории города это был день, когда всем довелось наблюдать величественную картину радостного народного шествия.

Состоялся массовый митинг Победы. Творилось невообразимое. Люди плакали, обнимались, целовались, поздравляли друг друга с Победой.

IV. ВОТ ТАК И ЖИВЕМ

В послевоенные годы на руднике развернулась напряженная работа по реконструкции шахт и расширению производства.

1950 год. В эксплуатацию сдаются шахты «Шушталепская» и «Капитальная-2». Начато строительство шахты «Высокая».

1957 год. Сдана в эксплуатацию шахта «Алардинская».

1961 год. Выданы первые тонны угля из шахт «Северный Кандыш» и «Высокая».

В истории нашего города были три рубежа, после которых жизнь осинниковцев следует определить по схеме: «до» и «после».

Первый рубеж — 1917 год и гражданская война; второй — пора военного лихолетья и третий — 1989-1997 годы, на которые пришлось горняцкие забастовки и важные подвижки в обществе. Будущее покажет, к чему это в конечном счете приведет, а пока расскажем, что стало истоком событий и перемен последних лет.

Прежде о забастовках. Принято считать, что они начались с волнений на шахте имени Шевякова в городе Междуреченске в июле 1989 года.

Но мало кто помнит, что в ночь с субботы на воскресенье 2 апреля того же 1989 года на шахте имени 60-летия СССР (ныне акционерное общество «Шахта «Аларда») четвертая смена комсомольско-молодежной бригады А.А.Гейна в полном составе не вышла на-гора, предъявив ультиматум из восьми пунктов. Горняков не удовлетворяла оплата труда, они требовали улучшения бытовых условий на шахте, единого выходного дня, улучшения жилищного обеспечения и автотранспортного обслуживания в поселке Малиновка и т. д. Спустившиеся в лаву директор шахты Ю.С.Анциферов, секретарь парткома В.Н.Мальцев, председатель профкома В.Е.Кожухов переубедить горняков ни в чем не смогли. Из шахты выходить они категорически отказались...

После посещения шахты первым секретарем ГК КПСС и руководителями объединения «Южжубассуголь» забастовку горняки прекратили.

Вопрос решили в духе тех лет: бюро горкома партии на своем заседании обсудило инцидент на шахте и дало негативную партийную оценку руководителям предприятия.

Но никто из «вышестоящих» не проанализировал обстановку, ничего не объяснил людям. А ведь то, что вызвало волнения горняков в Малиновке, оказалось характерным для всей угольной промышленности страны да и,

пожалуй, для всего народного хозяйства. Еще в середине 70-х годов начался процесс развала экономики Кузбасса. Вот как это выглядело на примере Осинников.

За исходный рубеж возьмем 1970 год и посмотрим, как обстояли дела за 15 лет после него, то есть до апреля 1985 года, когда началась пресловутая перестройка, объявленная тогдашним Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачевым и небольшой группой приближенных к нему лиц.

С 1955 до 1970 года в городе были построены четыре угольных предприятия: шахта «Высокая», «Малиновская», «Алардинская» и разрез «Осинниковский». Кроме того, уклонами были вскрыты новые горизонты на шахтах «Капитальная» и «Шушталепская». Добыча угля за этот период возросла на 2,5 миллиона тонн. Кроме того, осуществлено строительство таких важных для города объектов, как трамвай, заводы хлебный, пивной, молочный, бетонный, швейная фабрика «Кузбасс», Дворец спорта, центральный лесной склад, центральная котельная, главный корпус больницы «БИС», шоссе, шоссейная дорога. Причем половина объектов построенахозспособом, то есть за счет прибыли. Ежегодно в городе вводилось до 45 тысяч квадратных метров жилой площади.

А что построено потом, с 1970 года? Разрез «Калтанский», городская баня, теплотрасса от Южно-Кузбасской ГРЭС до города Осинники — вот вроде и все. А что касается строительства жилья и соцкультобъектов, то оно сократилось более чем вдвое. Ни одного объектахозспособом не построено.

В снижении темпов строительства отрицательную роль, к сожалению, сыграла ликвидация треста «Осинники-уголь». Отсутствие органа, объединяющего все предприятия города, привело к потере главных резервов, с помощью которых решались проблемы, возникавшие на предприятиях и в городе. Например, оказание взаимопомощи по принципу предприятие — предприятию, создание специ-

альных бригад для ликвидации «узких» мест, образовавшихся в городе. Трудовые коллективы лишались возможности оперативно решать возникающие вопросы, так как их руководители вынуждены были терять много времени на поездки в соответствующие города для согласования и решения не только крупных, но и зачастую мелких производственных вопросов.

Дело иногда доходило до абсурда. Например, для того, чтобы заказать на ремонтно-механическом заводе г. Осинники (РМЗ) какую-то деталь или что-то отремонтировать, руководители осинниковских предприятий посылали своих представителей в г. Новокузнецк. И не один раз.

Прибыли, заработанные осинниковскими предприятиями, стали оседать в других городах. Ухудшались соответственно и жизненные условия горожан, что не могло их не волновать...

А потом последовали иные экономические реформы. В принципе, против них никто не возражал и не возражает. Другое дело, как они проводятся: жизнь с каждым днем становится все тяжелее. В стране хаос, во всех отраслях народного хозяйства снижение производства промышленной продукции, безудержный рост цен, который превышает все разумные пределы.

Совсем распоясались так называемые посредники, которые набивают карманы за счет перепродажи продукции, к производству которой даже руки не приложили.

Положение дел осложняет то, что прекратили свое существование народные дружины, комиссии по борьбе с пьянством на предприятиях, товарищеские суды при жэках. Если раньше из-за пьянства кто-то боялся потерять очередь на квартиру, то теперь он спокоен: квартиры теперь будем покупать. Сегодня пьют не только дома, но и на работе, не только у станка, но и в шахте...

У. ОБРЕТЕНИЕ ДОСТОИНСТВА

Как быть?

Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Наша общая беда состояла да и теперь, на мой взгляд, состоит в том, что политические реалии все время брали верх над экономическими. Потому-то и живем напряженно, сложно. Ведь народ волнуют самые насущные проблемы. Стремительный рост цен, когда булка хлеба уже стоит 2700 рублей, и несколько тысяч рублей надо выкладывать за сто граммов колбасы — все это, увы, суровая реальность.

В такой обстановке люди смотрят на представителей власти и спрашивают: «Когда все это кончится?»

Самое главное сегодня — накормить людей, сделать все, чтобы на их долю выпадало как можно меньше невзгод. Для этого прежде всего надо нормализовать обстановку, повести дела так, чтобы мы, представители власти, завоевали доверие людей. Тогда будет куда проще решать насущные проблемы. А их много и все — первоочередные. Все хуже работают промышленные предприятия и, значит, меньше отчислений в городской бюджет, остро не хватает жилья. Вот еще одна проблема — транспортная. Город, как известно, растянулся вдоль по берегу Кондомы более чем на 60 километров. Приходится расходовать громадные средства на организацию транспортных средств — автобусов, трамваев.

Понятно, что городу своими силами такой громадный объем работы не осилить. Поэтому мы обращаемся за помощью в различные организации и учреждения, которые заинтересованы в развитии Осинников. И это уже приносит неплохие результаты.

Например, строительство подъездных путей к мосту через Кондому — на дороге Осинники—Ашмарино — включено было в региональную программу «Автодороги» на 1994 год. Намеченный объем работ выполнен.

Несколько другим путем удалось решить проблему прокладки водопровода Калтан—Малиновка. Для этого российская угольная компания «Росуголь» и АО «Концерн «Кузбассшахтострой» заключили контракт с целью строительства и финансирования водопровода Калтан—Малиновка. Вода в Малиновку пришла.

Та же российская угольная компания «Росуголь» пришла на помощь горожанам, которым предстоит переселиться из жилых домов, расположенных в оползнеопасных и подработанных зонах шахты «Капитальная». Для этого она заключила договор с акционерным обществом «Осинникишахтострой», чтобы вместе построить ряд жилых домов. Триста квартир уже сдано.

Конечно, это до некоторой степени разрядит острую обстановку с жильем. Однако до окончательного разрешения проблемы еще очень далеко.

В последние годы для осинниковских промышленных предприятий характерно снижение производства продукции. (Впрочем, как и для промышленности всей России). А, как известно, наполненность городского бюджета зависит от экономической ситуации на ведущих предприятиях. На мой взгляд, нужно вернуться к идее создания добровольного объединения предприятий. Уверен, что создание финансово-производственного объединения, в рамках которого бы работали в одном направлении горняки и строители, транспортники и финансисты, принесет пользу. Только общими усилиями местных властей и трудовых коллективов можно и нужно организовать ритмичную работу как трудовых коллективов вместе со сферами обслуживания, так и всего того, что определяет полную деятельность города.

Кроме того, для скорейшего выправления дел необходимо активизировать частную предпринимательскую деятельность. Чем больше будет в городе частников, производящих товары, тем лучше, ибо уже давно доказано, что ничто так не способствует активизации товаропроизводства, как личная инициатива.

Теперь несколько слов о том, на какие силы надлежит опираться при решении возникающих проблем. Следует объединить возможности как городских, так и поселковых структур, всячески опираться на помощь хозяйственных руководителей, работников сфер обслуживания, то есть на всех тех, кто полон желания сделать нашу жизнь более полнокровной и активной.

VI. НЕБО И РЕКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧИСТЫМИ

Несколько слов об экологической проблеме.

Необходимо, особенно в зимний период, не допускать прямых выбросов угольной пыли от котельных. Все котельные должны иметь эффективно действующие пылеулавливающие установки. Это позволит в зимний период избежать формирования над городом фотохимического смога, который, дополняясь «новокузнецким подарком», значительно сказывается на нашем здоровье.

И второй аспект экологической проблемы Осинников — наиболее важный — это борьба за восстановление нормативного водного бассейна реки Кондома и ее притоков. Много лет назад Новокузнецкий районный исполком получил большое количество сельхозугодий в бассейне этих рек, и с легкой руки бывших и ныне здравствующих руководителей эти угодья были отданы под дачное строительство. Дачники-новокузнецчане, получив участки в прибрежных полосах рек, вырубали леса, осушали поймы и сбросили в мелеющее русло Кондомы и ее притоков столько разных отходов, что сегодня одна из самых рыбных рек Сибири практически приближается по своей катастрофичности к Москве-реке. В семидесятых-восьмидесятых годах местная, областная, союзная печать, радио и телевидение свыше пятидесяти раз выступали в защиту Кондомы. Приезжали работники Минводхоза СССР, охотсоюза, всяческие инспекции. Все официально заявляли:

нельзя по нашему законодательству вырубать прибрежные леса, строить дачи в водоохранной полосе (а она для Кондомы не менее 500 метров). Однако новокузнецкие землеустроители продолжали грубо нарушать закон — с ведома областного партийно-советского руководства. В результате Кондома и ее притоки лишились своей водоформирующей поймы, и сегодня, как сказал один поэт, «от реки остался только запах». Надо очнуться, наконец, и исполнять закон.

VII. НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Формально с «соцкультбытом» в нашем городе все вроде бы обстоит благополучно. Мы имеем 2 кинотеатра, 6 клубов и Домов культуры, 10 библиотек, объединенных в централизованную библиотечную систему, с фондом более миллиона книг, 6 музыкальных и 22 общеобразовательные школы. У нас 33 детсада, 2 профтехучилища, горнотехнический колледж, краеведческий музей, 10 больниц, 13 амбулаторий и поликлиник, детский санаторий, 2 профилактория, лагеря отдыха школьников на 4 тысячи мест, 2 стадиона, Дворец спорта с плавательным бассейном, 30 спортзалов, 8 турбаз, 63 спортплощадки, 11 хоккейных площадок и т. д.

Но следует откровенно признать, что на таком мощном фундаменте стоит весьма скромное, хилое сооружение, именуемое духовной жизнью города. В Осинниках, как и во всей стране, процветают пьянство, преступность, бескультурье. Конечно, проще всего объяснить это сегодняшними общегосударственными неполадками и политической нестабильностью. Но это не только не оправдывает, а даже обязывает нас энергично взяться за наработку «души на душу населения», как выразился поэт Егор Исаев.

Опыт в этом нелегком деле у нас имеется. Почти одиннадцать лет назад в Малиновке был разработан принципиально новый подход к эстетическому воспитанию школьников. К той поре в поселковых школах уже существовали хоровые классы, и это начинание довольно бы-

стро оправдало себя. Во-первых, оно позволило занять музыкальным образованием куда большее, чем прежде, число детей, во-вторых, стало эффективной формой пропаганды музыкального искусства. И все же в поселке стремились к тому, чтобы эстетическое воспитание носило универсальный характер, осуществлялось целенаправленно, в рамках четкой, тщательно продуманной системы. И — родился замысел Дней эстетики, у истоков которого стояли тогдашний директор крупнейшего в Малиновке предприятия — шахты имени 60-летия Союза ССР Александр Иванович Шундулиди и автор этих строк. Воплотить идею в жизнь помогла В.Е. Григорьева, преподаватель Новокузнецкого пединститута, с которым малиновцы заключили договор. Нам предложили программу воспитательной работы для учащихся с 1-го по 10 классы с учетом возрастных психолого-педагогических особенностей детей, возможностей школ, их педагогических коллективов, эстетической среды самого региона и окружающей его территории. Эта программа позволяет скоординировать работу музеев, ДК, театра и других учреждений, то есть она достаточно гибкая, и применять ее можно, исходя из местных возможностей.

Весь воспитательный процесс разбивается на своеобразные блоки-месяцы. Например, один месяц посвящается изучению природы родного края, другой — киноискусству, третий — театру, четвертый — изобразительному искусству и т. д. Причем детям отводится роль вовсе не пассивных слушателей и зрителей; они активно постигают предлагаемый им материал, более того — сами становятся творцами. К примеру, изучая литературное краеведение, они не только встречаются с писателями Кузбасса и беседуют с ними, а сначала изучают, обсуждают их произведения, потом сами пробуют сочинять стихи, пишут сочинения на заданные темы. Все это делает общение с литераторами живым, интересным и полезным. Так же основательно постигают школьники изобразительное, музыкальное искусство и т. д. Не случайно хорошую подготовленность поселковых ребят постоянно подчеркивают при-

езжающие в Малиновку профессионалы — неизменные гости Дней эстетики.

Одним из самых крупных событий малиновских суббот стал приезд симфонического оркестра в ноябре 1984 года. После концертов лауреат международного конкурса в Лондоне, дирижер Государственного симфонического оркестра Министерства культуры СССР В.А.Понькин оставил такую запись в Книге почетных гостей поселка: «Глубоко тронут теплым приемом и просто поражен вниманием и чуткостью детей, которые буквально впитывают музыку, причем достаточно сложную. Очень рад таким прекрасным встречам. Становлюсь «голодным» по такому общению. Доброго вам здоровья. Больших успехов вам в воспитании юных сердец».

К сожалению, опыт Дней эстетики долго не получал распространения в городе. Многие в Осинниках были убеждены, что феномен малиновских суббот уникален и организовать нечто подобное в условиях нашего города невозможно. Успех эксперимента, которым заинтересовались даже далеко за пределами нашей «глубинки», зачастую приписывали не столько энергии и настойчивости здешних энтузиастов, сколько везению. Мол, малиновцам повезло с источником средств, надежным и стабильным, да и компактное расположение школ и учреждений культуры сыграло не последнюю роль. Иное дело — Осинники, где ни того, ни другого...

Не только представители местных властей были настроены скептически, но и интеллигенция тоже. В особенности учителя, для которых включение в эту работу неизбежно оборачивалось дополнительными нагрузками. А главное, они сомневались в конечном результате, усматривая в этом всего лишь очередную кампанию.

Впрочем, с таким отношением мы столкнулись уже не впервые и знали, что оно преодолимо. Убедил в этом опять же малиновский опыт. И там начинание встретили поначалу с пессимизмом, а через год учителя признались, что

уже не смогут жить и работать иначе. Не удивительно, что теперь эту работу в поселковых школах проводят самостоятельно, отказавшись от помощи новокузнецких шефов. И проводят со знанием дела, творчески, поскольку и сами за эти годы многому научились и многое переосмыслили.

Так что не это было главной проблемой при организации Дней эстетики в Осинниках — важно было продумать и наладить эту деятельность с учетом непростых здешних условий. Да, были срывы, были ошибки и разочарования, но сегодня и многие городские педагоги могут сказать: «Мы уже не можем жить и работать иначе».

В шести школах города разработаны программы с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла, в остальных вводятся элементы эстетического воспитания. Причем в работу вовлечены не только учителя, но и специалисты учреждений дополнительного образования, работники культуры. И они отнюдь не воспринимают свое участие как излишнюю нагрузку — напротив, Дни эстетики позволили им полнее реализовать свой потенциал, громче заявить о себе, создали дополнительный и очень мощный стимул к творчеству.

Кстати, в последние годы в городе появились новые учреждения культуры, а иные значительно расширили свои функции. Например, к единственной музыкальной школе добавилась еще одна — в новом микрорайоне. Создана школа искусств. А в ДК «Октябрь» планируется работа разнообразных творческих объединений — студий театрального искусства, детского академического хорового и вокального пения, пластики и хореографии, прикладного детского творчества.

Еще одним направлением возрождения культуры в городе стало создание альтернативных школ. В Осинниках уже действуют школы классных руководителей, немецкой культуры, шорской культуры, семьи и брака, менеджмента, воскресная духовная школа. Первые шаги их деятель-

ности обнадеживают. Обнадеживает и попытка наладить работу детей в средствах массовой информации. Они имеют возможность поделиться новостями, высказать свое мнение на страницах городской газеты, в передачах радио и телевидения.

Безусловно, это только начало. Необходимо, чтобы сеятели «разумного, доброго, вечного» — все, кого мы причисляем к интеллигенции, участвовали в благородном деле духовного и эстетического воспитания юношества.

Особо хотелось бы сказать о том, что наш город явился в свое время истоком кузбасской писательской организации. Это связано с именем нашего земляка А.Н.Волошина.

Александр Никитич Волошин прожил нелегкую жизнь. Родился он в 1912 году в семье вахмистра лейб-гвардии драгунского полка, в казенной квартире близ Дворцовой площади в Петербурге. Отец его, по рассказу самого писателя, дослужился до ротмистра, а впоследствии стал командиром Красной Армии. Незадолго до Великой Отечественной войны он был по доносу арестован в нашем городе и расстрелян. Позднее был реабилитирован. Сам Александр, работавший в Осинниках запальщиком на 10-й штольне, затем комсоргом шахты «Капитальная», после трагедии с отцом уехал в Черемхово и оттуда ушел на фронт. Воевал он геройски, был разведчиком, и так — до дня Победы.

После войны Александр Никитич возвратился в Осинники, работал в городской газете. Здесь и началась его писательская карьера. Его роман «Земля Кузнецкая» был удостоен Сталинской премии и признан значительным вкладом в советскую прозу послевоенных лет.

Позже первичная Кемеровская писательская организация пополнилась еще пятью нашими земляками. Это поэты Роберт Вебер и Павел Майский, прозаики Владимир Мазаев, Владимир Куропатов и Владимир Коньков. Надеемся, что они будут активно содействовать нам в создании нравственно-патриотического климата, который поможет высвободиться из трясины бездуховности. С помощью профессиональных писателей у нас должно воз-

родиться и полноценно заработать литературное объединение, выявляя молодые таланты и повышая качество работы средств массовой информации.

Как известно, одной привозной культурой душу не согреешь. Поэтому наряду с уже отработанной практикой проведения фестивалей с участием звезд всех масштабов и стабильной гастрольно-концертной деятельностью нам необходимо взяться за организацию своей концертной работы. Творческие возможности у нас для этого имеются. В этом плане показателен опыт Краснодарского творческого объединения «Премьера», с которым мне довелось познакомиться в 1993 году. Созданное при администрации города, оно охватило все стороны концертной деятельности и вышло на международный уровень. Подобная организация поможет нам обеспечивать духовные запросы наших жителей. Сегодня администрация ведет работу в этом направлении, думается, результатов придется ждать недолго.

За последние годы у нас ощутимы перегибы в сторону огульной критики прошлого. С легкой руки средств массовой информации зачастую трудовые и боевые заслуги наших отцов и матерей получают незаслуженную ироничную оценку, а то и издевку. Но вспомним слова: «Кто выстрелит в прошлое из пистолета — в того будущее выстрелит из пушки».

В своей статье не делил историю на «нашу и не нашу», а стремился объективно оценить вклад всех, кто создавал наш город и помогал ему выжить в годы лихолетья. Надеюсь, и впредь мы будем объективны друг к другу, и это поможет нам добиться улучшения нашей жизни. А она — сегодняшняя и завтрашняя — в наших руках.

В статье использованы материалы городского краеведческого музея и фрагменты из книги «Осинники» А.С.Цырякина.

Степан ТОРБОКОВ

ГВОЗДЬ

Кожаный аил гвоздя не знал —
В кожаном аиле гвоздь не нужен,
Но однажды среди шорских скал
Кем-то пласт руды был обнаружен.
С той поры мы в кузнецы пошли
И ковали всячину привычно,
И лишь гвоздя изладить не могли —
Недоступен был тот гвоздь обычный.
Простоту обходят мудрецы,
Новые выдумывают вещи.
Подтвержденье — наши кузнецы,
А они-то слыли многих хлеще.
Так им долго не давался гвоздь,
Что наш брат и бросил, доведись бы.
Но в ту пору ставить нам пришаось
Не аилы дедовские — избы
И когда свели они в наклон
Первые пучки стропил раскосых,

Позарез понадобился он!
Но не гвоздь тогда сказали — «позых».
«Позых» — связка. Как найти ее?
Стали думать — получилось ловко:
«Надо длинный стержень, острие,
Плоскую широкую головку...»
Удивленно крикнули: «Растем!» —
Избы, покрываясь свежей дранью.
Тут и стал железный гвоздь гвоздем —
Так седое говорит преданье.
Я на том в поэзии стою:
Дай стихотворенье гвоздевое.
Думай, чем ты свяжешь жизнь свою
Накрепко с народной судьбою.

Перевел с шорского Г.СЫСОЛЯТИН.

ЛИВЕНЬ

Налетел он, как разбойник,
Спрятав солнечный зенит.
И земля — большой подойник —
Гулко, радостно звенит.
Мы промокли все до нитки,
А в восточной стороне
Солнца луч, горячий, пряткий,
Жалит тучи в вышине.
Глупый ливень, в самом деле,
Что наделал в краткий срок:
Мы же сено не успели
Уложить, как надо, в стог...

Оборвались ливня нити.
Солнце льет поток тепла.
Тут же радуга в зените
Коромысло подняла.
Семь цветов по лужам пенным
Разбросал небесный свод.
Славно пахнет мокрым сеном,
Будто с неба пролит мед!

Перевел с шорского М.НЕБОГАТОВ.

Александр ВОЛОШИН

**СМОТРЮ
В ТВОИ ГЛАЗА**

Рассказ

Особой пригожестью ни в детские годы, ни в отрочестве Димка Оноприенко не отличался. Почти до шестнадцати лет он состоял из одних «коленчатых суставов». Скуластый, недисциплинированная русая шевелюра, коротковатый нос, во всякое время года немного облупленный: то ему выпадало с излишком от затяжных морозов, то летнее солнышко не в меру прихватывало. Сам Димка на такую пустяковину не обращал внимания, а главе семейства Григорию Анисимовичу и подавно не было никакого дела до такой детальки, как Димкин нос. Абы не сопливый. Важно, что парень жил. Учился не из последних, аппетит всегда имел отобилизованный, интересовался техникой, мастерил детекторные приемники, читал по ночам исторические книжки и про путешествия. И никогда не болел, даже не прибалывал. Он был сибиряк. А что фамилия их смахивала на хохлацкую, так ведь из хохлов, из белорусов, из керженских беглецов, из казаков с Дона и Чала как раз получились потом сибиряки. Фамилии у сибиряков обыкновенные, русские, и небо над головой с рождения и до смерти такое собственное, приволь-

ное, что станешь вот так посреди земли, заломить шапку и — дыши, любуйся.

Жили Оноприенки вдвоем — отец, сын. Без всякого духа святого. Матери Димка не помнил, хотя знал про нее все.

Их двухкомнатная квартирка помещалась на втором этаже старого деревянного дома, который был поставлен еще до революции каким-то местным купчиком-субчиком. Купчика давным-давно выдуло историческими ветрами из родных пределов, а дом, сработанный руками купецких батраков, все стоял на предназначенном ему месте, весь из лиственницы, в кружевных наличниках. Жить в этом доме было можно. Вот и жили. Снизу помещалась лавка скобяных товаров, а на втором этаже — Димка с родителем и, как он себя помнил, у них всегда были одни и те же постоянные соседи. В темном коридорчике слева можно было сразу нащупать створчатую фанерную дверку. Тут проживал с незапамятного времени Василий Тихонович Омбыш-Тютин. Дворянин. Он, Омбыш-Тютин, как говорили, еще с дореволюции работал кассиром в местном отделении банка. Сгорбленный такой, тихонький, с аккуратными белыми усиками над неприметным ртом.

А еще в одной двухкомнатной квартирке, что выходила маленькими окнами на пыльную булыжную Первомайскую, никто не знает, с каких времен проживало шумливое семейство горного мастера с шахты имени 7 Ноября Мины Лукича Лысенкова. Если бы семейство горного мастера поселилось рядышком с Оноприенками и Омбыш-Тютиним так вот, как снег на голову, может, и лихо бы пришлось соседям. Но ведь шестеро дочерей у Лысенковых появились, как и положено, дружка за дружкой — через годик, через полтора, и что на половине горного мастера год от году становилось все голосистее, то к этому постепенно и привыкали. Тетка Агаша Лысенкова — рослая такая, полнозвучная, медлительная, казалось, никакого внимания не обращала на все свое девчоночье поголовье. Родились, ну и живите, господь с вами. И девчонки дейст-

вительно жили самосильно: верещали, пели тоненькими голосами песни, колотили мальчишек во всех соседних дворах, таскали по взаимности, по-сестрински, друг друга за волосы. Тишина наступала, когда сам Мина Лукич — крепенький, светлоусый — пребывал дома, когда он отдыхал за ведерным самоваром или спал, или, сидя у окошка, читал рудничную газету «Призыв». В такие часы верещать девчатам не полагалось.

В получку или аванс Мина Лукич заявлялся домой весь увешанный связками бледно-розовых кренделей, с карманами, из которых торчали копченые колбасы и рассыпались по полу карамельки в цветных бумажках.

Тетка Агаша, не поднимая темноволосой головы от извечного починочного рукоделия, говорила:

— Сподобился.

Шестеро дочерей, подковкой обступив отца, взирали на него молча и благоговейно, пока он не произносил разрешительного слова:

— Кровиночки!..

Потом шестеро дочерей умело, бойко распатронивали Мину Лукича без отрыва от порога, выгребали из его карманов всю накопленную сладость, весь гастрономический деликатес, а за одним и наличием. Пока эту наличием молча пересчитывала тетка Агаша, пока дочери молча набивали зубастые рты карамельками, Мина Лукич восклицал:

— Царевны!

Потом декламировал:

— Гармонь, гармонь, родимая сторонка, поэзия... поэзия российских деревень.

И еще у Мины Лукича в таких обстоятельствах был неперменный обряд. Он стучал в двери Омбыш-Тютина и спрашивал:

— Живешь?

Стучал в двери к Оноприенкам и спрашивал:

— Продолжаете жить?

А когда тетка Агаша брала его в беремя и укладывала в постель, он, как на митинге, миролюбиво грозился:

— Живете, пока мои стахановские руки вас не достигли...

После семилетки и горпромуча Димка стал работать на той самой шахте, на которой закончил свою рабочую страду Григорий Оноприенко. Жил он уже тогда один, только рядом с мамкиным портретом, в той же самой рамке приклеил портрет отца. Они были очень похожи друг на друга — отец и мать. Оба были необыкновенно молодыми и, когда посмотришь в их глаза, — необъяснимо смелыми.

После того, как отца не стало, он с полгода работал на проходке, а потом горным мастером. Он был самым молодым горным мастером на руднике. И самым беспокойным для начальства. Шахта есть шахта, мало ли тут всяких достижений и, тем болес, всяких прорех. Обо всем и про все можно ведь договориться в своем рабочем кругу, а Димку потянуло на гласность, на литературу. Стал писать сатирические заметки в местную рудничную газету. Одну такую заметку перепечатала республиканская газета, и после этого, без всякого промедления, начальник шахты издал машинописный приказ: «В связи с тем, что по смене обнаружен перерасход взрыв- и крепматериалов...»

Рудничная газета выступила по этому поводу со зловецким фельетоном, а Димку Оноприенко позвала к себе на штатную работу. И оказался он литературным сотрудником производственного отдела. В красной коленкоровой книжечке так и было сказано: «литературный сотрудник». Он приходил на любое, самое ответственное заседание или конференцию, предъявлял красную книжечку, выбирал самое для себя удобное место, раскрывал блокнот и записывал на белых листочках, как течет и разворачивается вокруг жизнь. Плюсы и минусы заносил в свой блокнот и, случалось, любовался своим округлым почерком.

В жизни ужасно много неожиданного, удивительного, в жизни есть над чем подумать. Над тем, например, что

вдруг, значит, неожиданно становишься сопричастным к литературе, к журналистике, что ты можешь встретить в жизни Галку Матвееву.

К тому предьяоньскому времени того незабвенного теперь в веках сорок первого года в редакции на высшем профсоюзном уровне обсуждался вопрос: покупать или не покупать для коллектива такое архисовременное средство передвижения, как мотоцикл. Деньги были — вот они, возьми их, отдай в кассу и получи великолепный мотоцикл ИЖ-7, и...

Редактор колебался, профком в лице Миши Ченявского вообще был против: сотрудников, понимаете, в редакции ровно девять, мест на мотоцикле, понимаете, ровно два — ни тебе коллективного выезда, ни каких других коллективных мероприятий. А заслуженного линотиписта Якова даже в связанном состоянии на мотоцикл не посадишь.

Но всеяние времени и демократия победили. А так как в штате редакции наиболее технически подготовленным оказался прежде всего Димка Оноприенко, то ему и препоручили технический уход и производственную эксплуатацию ИЖ-7.

Не обошлось без неприятностей. Ах ты, господи, кто бы такое мог позабыть? Случилось на демонстрации в честь революционного праздника. Колонну городской интеллигенции возглавил коллектив рудничной газеты. Редактор Петр Михайлович нес художественный лозунг на красном полотне: «Ты вступил в члены Осоавиахима?» А Димка ехал впереди колонны на ИЖ-7. Секретарь рудкома партии только-только поднял руку и хотел крикнуть в массу: «Да здравствует наша славная советская интеллигенция», как ИЖ-7 прямо против трибуны остановился. Заглох. То ли газу ему Димка поддал мало, то ли по другой необъяснимой технической причине, а ИЖ-7 заглох. Секретарь рудкома в связи с этим от лозунга воздержался, а интеллигенция дружно вручную протолкнула мотоцикл мимо трибуны.

Вообще это была очень загадочная машина. До зелененького березового карасинового озера Глухое, когда литературный сотрудник рудничной газеты доставлял туда редактора на вечерний клев, машина действовала как часы. И на обратном пути воскресным вечерком — тоже действовала как часы. А когда случилось срочно побывать на смене знаменитого лавщика-стахановца Хмелева на шахте 10, она, эта загадочная машина, обязательно взбрыкивала. Что-то у нее вдруг не ладилось с подачей горючего, или диски «фирадо» заклинивало, или просто так останавливалась посреди дороги и даже не посапывала.

А с шахты 10 репортаж в номер задерживался, и газета такую роскошь не могла себе позволить, если бы даже остановился весь механический транспорт на всей планете. Потому что это была шахтерская газеты «Призыв»! Вот так.

Когда при срочном задании это ижевское изделие останавливалось, Димка бросал его на дорожной обочине и действовал уже собственными ногами — и до шахты 10, и обратно до редакции. А в редакции надо было становиться один на один перед скорбными очами редактора с беспорядочными тезисами и соображениями по поводу рекорда стахановца Хмелева. И тут же, у стола редактора, топтался в синем халатике метранпаж, курил махорочную самокрутку и надоедливо спрашивал: «Значит, две колонки на первую полосу горят?»

Димка темнел лицом, нагибал голову, кулаки у него тяжелели, и редактор говорил:

— Две колонки будут через полчаса. Пельменная закроется через два часа. Успеешь, дядя Яша.

Две колонки на первую Димка сдавал ровно через полчаса. Дядя Яша — метранпаж — успевал в пельменную. Да что говорить, если вся душа была вовеки и присно на вздыбках, если вся душа была на взлете.

С пятницы на субботу Димка дежурил по номеру. На первой полосе шел важнейший материал: решение Пленума ЦК угольщиков Востока. Редактор сказал, когда уходил:

— На первой странице даем. Специально. От этого зависит, дадут для редакции новое помещение или...

Все было честь по чести вычитано, выправлено: и решения пленума, и собственный очерк Димки об окружающей советского человека природе — ну, как во всякой благопорядочной редакции, все было сделано и подготовлено. И это располагало к дремоте, к философствованию и к излишним переговорам по телефону. Димка спрашивал по телефону:

— Ты еще не ушла с работы?

Галинка отвечала:

— Как же я уйду, если ты на работе?

— А наше дело такое... Вот подпишу номер...

— И обо мне подумаешь?

— Если время достанет.

— Ой!

— Чё?

— Какой ты...

— Не отвлекай, мне третью полосу принесли, идеологическую.

Уже утром, когда в нижнем этаже перестали гудеть печатные машины, а идти домой изо всех сил не хотелось, Димка уронил голову на стол, прямо на сырой сигнальный номер своей шахтерской газеты, и заснул.

Десять ли, пятнадцать ли минут он проспал, только затылок за это время ему успело пригреть солнце. Еще сквозь дрему вспомнилось, что вот-вот должна позвонить Галинка, что тираж уже увезли на почту, что сегодня шахтеры будут читать его лирический очерк, что ребята на редакционной летучке будут ему подмигивать, похваливать. Встряхнулся и машинально стал читать уже при-

мелькавшийся материал о пленуме. «Пленум скрыл серьезные ошибки в деятельности...»

Димка еще раз встряхнулся. Помилуй бог, почему «скрыл»?! Тут же было: «Вскрыл!», «Вскрыл!»

Несколько мгновений Димке казалось, что он все еще спит, что такая ужасная ошибка может ему только присниться. Но солнце светило во всю летнюю силу, с улицы слышался рабочий утренний шумок, в горлышке графина красовался стебелек саранки с тремя королевскими коронами. Все было на своем месте. И солнце, и саранка. И эта горестная ошибка о пленуме. А вся ошибка заключалась в том, что металл состарился от бесконечных переплавок, и под литерой «в» организовалась произвольная пустота, а когда печатная машина стала шлепать и вертеть газетный набор, литера «в» провалилась. Вот же туды его, горе гореванное!

Димка глянул на часы. Придите ко мне, все страждущие и обездоленные. Почти шесть утра, и тираж на центральном почтамте уже расфасовывается в сумки почтальонов, а ножки у почтальонов!..

Надо было задержать весь этот несчастный тираж. Власти для этого никакой. Только злость.

Почти не запомнил, как скатился по деревянной лесенке со второго этажа, как вытолкал ИЖ-7 из дровяного сарайчика, как толкнул стартер. Движок отозвался с одного толчка, а потом понес, понес Димку вверх по Первомайской до самого одноэтажного почтамта.

Знакомая девчонка из экспедиции неподдельно удивилась:

— Как это задержать тираж? Сдурел?!

— Не я! — взмолился Димка. — Металл... Политическая ошибка.

Девчонка из экспедиции вздернула плечиками: если политическая, тогда какой разговор? Тираж немедленно задержим. А убытки по тиражу и возмущение читателей — это как?

— За мой счет, — сказал Димка. Девчонка мельком

окинула серыми глазами неказистое полуспортивное обмундирование Димки и с сожалением заметила:

— Капиталист. Али-Баба.

Потом Димка долго звонил на квартиру редактору, Петру Михайловичу, а тот никак не желал понять спросонья, что литера «в» запала, что получился политический казус, и в связи с этим непониманием никак не хотел согласиться на изъятие нынешнего субботнего тиража. А когда наконец допонял, то очень рассердился, запыхтел, задышал по телефону и после этого совершенно трезвым басом распорядился:

— Тираж ликвидируем. Это наш партийный долг. Наш. А ты, голубчик, немедленно явись в редакцию. Хочется посмотреть на твое безответственное лицо. Очень хочется. Хочу иметь такое удовольствие.

И он имел такое удовольствие. Говорил об ответственности, что, если чувство ответственности притупляется, тогда совершенно бесполезно все сваливать на состарившийся металл. В связи с этим мы теряем... да, несомненно, теряем молодого и подающего надежды... Потому что...

А Димка смотрел на розовенькое личико Петра Михайловича и слушал не Петра Михайловича, а гул медленных эскадрилий, которые все летели и летели с востока на запад, за Урал. И представилось ему, что он вот сейчас, немедленно, выходит из этого кабинетика, садится на ИЖ-7 и тоже летит на запад. На запад.

— Потому что... — повторил Петр Михайлович.

— Карбюратор у мотоцикла барахлит, — отозвался Димка. — Вы в прошлый раз совершенно технически безграмотно залезли в карбюратор. Сколько вам раз повторял: не лезьте с... этим, как сказано, с рылом, в карбюратор. Иголку погнули. Жиклер и перестал нормально подавать горючее. Сколь раз повторял...

Петр Михайлович сделал трудные такие, большие глаза и сказал предсмертным шепотом, почему-то показывая на окно:

— Вон!

Димка не очень огорчился. За окном был день, изо всех сил погожий, летний, и если приглядеться, то далеко за окраинами городка виднелись вышки молодых, смелых шахт, а еще дальше, за шахтами, виднелись березовые колки, а потом горы, а на горах летние снега:

— Карбюратор я исправлю, Петр Михайлович, — пообещал он. — И мотоцикл на сегодняшний и на завтрашний день возьму в собственное пользование. В счет зарплаты. А когда вернусь, то сразу и познакомлюсь с вашим, Петр Михайлович, приказом.

Он не успел в тот день написать ни строчки для газеты, зато исправил карбюратор и, мало того, вывел его на глазах у редакционной публики из дровяного сарая. И был таков. Пыль столбом. Кусок хлеба был в одном кармане штанов, удочки и перочинный ножик — в другом. Так рванул навстречу ветру, так рванулся навстречу всему, что было самой жизнью загадано!

Как раз глушитель отсоединился, и движок застрелял, как застрелял! Единственный на весь город милиционер, который охранял государственный районный банк, и тот засвистел. Димка остановился. Заглушил движок. Милиционер Коля спросил:

— Чё ты трещишь, не на милость божью?

Димка объяснил, что глушитель отсоединился, а милиционер Коля посетовал, что Димка у него почти единственный нарушитель правил уличного движения. Не дядя Гриша-водовоз управляет лошадью, а лошадь управляет дядей Гришей. Это доказано.

— А ты куда, Димка?

— В трест. За оперативными данными.

— Передай привет Галинке. Вчера, понимаешь, пригласил на танцплощадке — хвост козырем. Милиционер — не человек.

Димка усмехнулся. С самого юного детства Галинка танцевала только с ним, с Димкой Оноприенко. Только с

ним и ни с кем больше. И Димка ни с кем, кроме Галинки, не танцевал. В этом смысле они были завзятыми единоличниками.

Движок сегодня тянул на удивление ладненько, даже на самом малом газу. Димка споро так проскочил сосновый борок и перед зданием местного угольного треста сделал, как обычно, круг почета. Как обычно, в кирпичном здании треста открылись чуть ли не все окна, и в них показались очень заинтересованные лица многочисленных сотрудниц. На самом крутом, прямо артистическом выраже Димка лихо тормознул, сбросил начисто газ и стал как вкопанный. И сразу тишина великая воцарилась над июньской землей. И Галинка была уже вот она — рядом. Оглянулась на окна, на заинтересованные лица сотрудниц треста и быстренько пристроилась позади Димки, тронула его за плечо.

А он тронул стартер, включил первую, включил вторую, третью, и опять рванулся навстречу им с Галинкой весь теплый, весь зеленый субботний праздничный день! Тугой ветер бил в лицо, в глаза, сушил губы. Тянул, трещал движок, летели навстречу ветры притаежных дорог, дышала ровненько и требовательно за плечами Галинка, а впереди в запасе у них была целая жизнь. Целая жизнь и прохладная горная река. И ни сном ни духом не знали они, что это их последняя поездка, последний их субботний день, что много еще у них будет и субботних, и воскресных дней, но все они будут — поврозь.

Вот и река — зеленоватая, студеная. Димка сказал:

— Ты пройдишь пока вон до тех сосенок, а я разденусь и разочек бултыхнусь. Злой я, как сто тысяч чертей, против современных типографий, против профсоюзных пленумов и... Но редакторы тут ни при чем. У них должность такая.

— О чем ты? — удивилась Галинка.

О жизни он. И окунуться вон в том омутке хочется.

— Ты же потный, простынешь...

— Я?!

Потом, до самого Днепра осенью сорок третьего года, ему ни разу не удалось окунуться ни в какие речные воды, все было по-солдатски недосуг. Может, потому и запомнилось это последнее мимолетное купание в родной студеной речке. И еще тем запомнилось это мимолетное купание, что Галинка была рядом, — она не пошла ни к каким сосенкам, а тоже расхрабрилась и поплыла рядом, и совсем близко были ее глаза.

Отдышались на берегу, на теплом песочке, говорили о жизни — какая она есть и какая она должна быть. Димка, припоминая выдержки из последних газетных передовиц, очень квалифицированно рассказывал о международном положении, даже позволил себе усомниться по поводу пакта о ненападении, который в позапрошлом году был подписан с гитлеровской Германией. Потому что все равно придется воевать с фашистами. Все равно.

А когда международные вопросы были исчерпаны, они ползали по теплой полянке посреди белоголовых ромашек и ели клубнику. Ягоды попадались крупные, наливные — их было боязно трогать руками, к ним хотелось губами припадать. И они припадали к ягодам губами, дышали запахами земли и изумленно взглядывали друг на друга, как первожители своей собственной планеты.

Ночью они лежали под единственным на ягодной поляне деревцем-бояркой, смотрели сквозь изломанные ветки на небо. И еще Димка осторожно прикасался пальцами к виску Галинки. На виске потаенно билась тоненькая жилка. И это было самое главное на планете Земля. А над планетой, с востока на запад, за Урал, посреди июньских звезд все летели и летели военные самолеты. А по железным дорогам все громыхали тяжко и грозно воинские эшелоны.

В какую-то не очень обязательную минуту Димка спросил:

— Сообщение ТАСС читала?

Галинка отвернулась от звезд, успокоенно положила теплую ладошку на лоб Димки.

— Это какое сообщение?

— Что наши воинские части передислоцируются в летние лагеря. С востока на запад.

— И пусть передислоцируются..

Как близко было в тот час лицо Галинки, как ненасытно смотрелось в ее глаза.

— Если мы поженимся, если ты останешься солдатской женой, Галя.. — сказал Димка.

Она взяла в ладони его лицо, притянула к себе, спросила:

— Ты зачем про это?

— Потому что смотрю в твои глаза.

Такая это была июньская ночь.

Анатолий ШИШКИН

СТАРОЕ КИНО

Шли по Москве свинарка и пастух,
Вели на казнь по снегу партизанку,
Из пулемета била белых Анка,
И штурмовал Чкалов высоту...
Мелькают титры старого кино,
Наивного, как детские забавы..
Но разве были в чем-либо не правы
Смотревшие его давным-давно?

ЖЕСТОКАЯ ИГРА

— Налетай, подружки и дружки, —
Пирожки горяченькие, с тмином!..
Стряпали в войну мы пирожки
Точь, как настоящие, — из глины.
То была жестокая игра,
Сколько ни хитри, а есть охота,
А от пучек тошнота до рвоты,
И живот болит по вечерам...

Возвращались матери с полей,
Но из печи яств не вынимали.
Мы не обижались, понимали:
Матерям намного тяжелей!

М. БАЕВУ

Тут не заслониться рукавицей,
Скорлупинкой каски не сластись,
Если кровля, вдруг зашевелится,
И порода гулко рухнет вниз...
Он подлазит к дьявольским пустотам,
Как ни скользко, как ни тяжело...
Вроде бы привычная работа
Для него — заделка куполов.
Сжатый рот, отметины на скулах...
С завистью гляжу я на него!
— Риск?
— А кто же в шахте не рискует?
— Страшно?
— Пообвыкнешь — ничего!

УРОК ЧИСТОПИСАНИЯ

Не пронеслись, а проскользнули сами,
Не виделась, а разверзалась даль.
За Кондомой урок чистописанья
Преподавал улыбчивый февраль.
Голубизной слепящие сугробы,
Черемушник промокший у реки,
Рябиновые гроздья снежной пробы...
И небо — от строки и до строки!

* * *

Не года горбят спину,
Не вода морщинит руки.
Схоронила бабка сына,
Схоронила бабка внука.
Сына в шахте завалило.
Внук застрелен на границе...
Двум безвременным могилам
Ходит бабка поклониться.
Вечерком всплакнет по сыну,
Поутру всплакнет о внуке...
Не года горбят спину,
Не вода морщинит руки.

* * *

Меня пилили и строгали,
И распесочивали вдрызг,
Но, слава Богу, помогли
Мне все, которые не из...
Не из... известных хваткой ловкой
И лицемерием своим...
Мне страшно, если снова им
Удастся перемаскировка!

Владимир МАЗАЕВ

КОЛЬ ЖИТЬ ДА ЛЮБИТЬ

Рассказ

Лодки живут долго, по крайней мере, это я могу сказать с уверенностью о лодке Антона Иваныча.

Каждую весну, когда приезжаю сюда, я вижу ее на берегу, на высоких подпорках. Около ходит Антон Иваныч. Издали машу ему, забегаю в дом, здороваюсь с Анной Ильиничной, бросаю баульчик и, взволнованный, выхожу на берег.

Топольники, как всегда в эту пору, захвачены паводком. Старые почерневшие деревья стоят в воде с мудрой отрешенностью; их тени на воде — их продолжение, только в другой плоскости. Я жмурю глаза от чешуйчатого сверкания Кондомы, вдыхаю пахнувший мокрой горячей галькой воздух, бегу вниз, к лодке.

Антон Иваныч получил мою телеграмму и уже все приготовил. Лодка просушена, на горбу днища разложены долота, скрученная в жгуты пакля, деревянные молотки; рядом на низеньком тагане дымится в ведерке вар.

Отстегиваю от своей городской рубашки запонки, закатываю рукава, беру молоток. Узкие сухие доски весело гудят под нашими ударами. Мои удары сбивчивы и отрывисты, Антон Иванович постукивает играючи, пакля входит в пазы легко и чисто. Поцарапанное, взъерошенное днище пахнет тиной, таинствами речных глубин, романтикой путешествий.

Потом мы цедим в щели пузырящийся вар; я орудую утюгом, горло дерет от дыма. Дым скатывается под лодку, еще долго колышется там.

Покончив с днищем, устраиваем перекур. По днищу весело течет агатовый блеск, оно похоже на спину гигантской снулой рыбы. Кондома опахивает лицо холодом. У берега вода тиха и степенна, ближе к середине она стремительна — такое впечатление, что река пытается обогнать самое себя.

Противоположный берег высок, горбат, усыпан домиками деревни; чернеют заплатки вспаханных огородов. По утрам за рекой многоголосо мычит скот, тарахтят моторы, тонкие вилюшки дыма перечеркивают накаляющуюся кромку горизонта; оттуда всходит солнце.

Антон Иванович неторопливо рассказывает зимние новости.

В Настином логу поселилась семья лосей и, странно, — никуда не уходит. Перед весной к самому дому, от Глухой курьи, повадилась ходить выдра. Антон Иванович три ночи караулил, подхватил насморк, но выдру все же взял. В аккурат, где мы сидим, на рождество приземлялся вертолет. Летчики — веселые парни — купили ведро огурцов и ведро медовухи и улетели по своему маршруту. Охотник Кусургашев выполнил несколько планов отлова соболя. Как ухитрился? Его секрет...

Новостей немного, все они одного плана, но я слушаю с интересом: для меня и Настин лог, и охотник Кусургашев, и Глухая курья — не отвлеченные понятия. В Настином логу я много раз охотился на зайцев; с сыном Кусур-

гашева — Данилкой — дружил в детстве. А Глухая курья тоже очень знакома: я мальчишкой чуть не утонул в ней, попытавшись по способу воинов древнего Киева дышать в воде через тростинку.

Антон Иваныч лыс, но все теплое время года ходит без головного убора, поэтому уже в мае голова его матова от загара и похожа на кегельный шар. Он в старой брезентовой куртке и резиновых сапогах с круглыми велосипедными заплатками.

Два сына Антона Иваныча и Анны Ильиничны давно выросли и разлетелись, теперь дети и родители общаются посредством посылок. Старики посылают варенье, мед, вязаные носки и рукавицы, а те им — отрезки, головные платки — для матери; патронташи, спиннинговые катушки, охотничьи ножи — для отца, хотя Антон Иваныч давно оставил охоту, а спиннинг вообще не считает за снасть и никогда им не пользуется.

Однажды сыновья, как сговорившись, прислали по термометру (родители посетовали на небывало морозную зиму). Сейчас оба термометра висят рядом на бревенчатой стене и показывают разную температуру...

Мы снова беремся за лодку. Сталкиваем с подпорок, переворачиваем. К днищу изнутри присохли рыбы чешуйки. Антон Иваныч лезет в лодку, долго ощупывает укорины — дугообразные крепления, — что-то бормочет. Две из девяти нуждаются в ремонте.

Снова стучим молотками, и первобытный стук этот отдается в душе весенней музыкой. Солнце уже высоко, жжет плечи; ветер холодит под мышками; все сильнее тянет от реки сырой галькой.

На бревнышках скатываем лодку к воде; дерево кричит, нос и корма покачиваются, того и гляди хрустнет днище — все-таки старушка пожила свое.

Антон Иваныч приносит из дому весла. Следом на берег выходит Анна Ильинична; дымком выются вокруг головы белые пряди. Она в цветастом застиранном фартуке

и глубоких калошах на босу ногу. Я замечаю на левой калоше такую же, как у ее мужа, круглую аккуратную заплатку и вдруг вспоминаю: года два назад я приезжал с надувной лодкой и потом оставил старикам велоаптечку — вот и пригодилась...

Глядя на нас, копошащихся, Анна Ильинична певуче спрашивает:

— Ну как сѣдни вода, прибывает или на мере?

— На мере, на мере, — отвечает Антон Иваныч.

Анна Ильинична щурится, вздыхает:

— Слава богу, пора ей и угомониться. Откудова такая прорва, лонись и то поменьше было. Выбегла я как-то середь ночи, глядь — вода баню подымает, у меня сердце так и ухнуло... А после ничо, скатилась.

Наконец все готово, я подбираю тонкую звенящую цепь и, поднатужившись, спихиваю лодку в воду. Она стремительно уходит от берега.

— Табань живеї! — кричит недовольно Антон Иваныч, стоя на берегу. — Табань, язви тя!

Прыгаю через скамейки, вставляю в уключины весла, торопливо взмахиваю ими и все равно не успеваю: кормой ударяюсь о дерево, лодка гудит, в воду шлепается кусок коры. Не глядя на Антона Иваныча, смущенный, я разворачиваюсь и, задевая веслами о стволы, плыву в глубь топольников.

Я плыву в топольники, небо надо мной густеет, перелестнутое черными голыми ветвями. Ветер уходит в вышину, солнечные лучи буравят мутноватую глубь; опаживает волной винный запах преющего дерева и тут же уступает другому — горьковатому запаху цветущего ивняка, которого отсюда еще не видно. Эти запахи! Они пуще воспоминаний будоражат память. Я начинаю волноваться, бестолково верчу головой — словно передо мной вот сейчас, сию минуту, должна раскрыться тайна, и я не переживу минуты, если упущу ее.

Обгоняю запоздалую льдинку с вмержшими в нее ка-

тышками заячьего помета. Подмытая где-то в верховьях, березка плывет так давно, что уже выбросила, как флаг, зеленую распустившуюся веточку. На кусочке коры сидит паучок-крестовик, сгорбившись от горя. Осторожно задеваю кору веслом, паучок вдруг оживает, цепляется за весло, прытко бежит по веслу в лодку.

Я смотрю на неколебимые, как колонны, тополя. Черные, в два обхвата, стволы понизу поклеваны льдом, заскорузли, и трудно представить, что в них, как в плывущей, оторванной от земли березке, гудит пробудившаяся жизнь.

Откуда в наших таежных и боровых краях эти тополя, эта удивительная единственная роща, растянувшаяся поймай реки на целые километры? Далеко за рощей, на гриве горы, высятся развалины древней крепости, заложенной еще екатерининскими казаками. Молва доносит: защищаясь от набегов джунгарской конницы, казаки обнесли крепость заостренными, вбитыми в землю кольями; колья были из тополя и во многих местах принялись, пустили корни — с годами образовалась роща. Я верил в эту легенду в детстве, хочу верить в нее и сейчас, хотя опыт и подсказывает, что тополя не могут жить так долго, а молодой поросли здесь никто никогда не видел.

Потом я бросаю весла, ложусь грудью на узкий лодочный нос. Прямо перед глазами — кольцо с цепью, рядом хорошо заметная вдавленка — корявая буква «Д». Ее выжег Данилка, мой друг, в такой же солнечный весенний день линзой, вынутой им тайком из старого отцовского «цейса».

Странный был парень Данилка. Все свое детство прожил он на реке, но воды боялся панически. Когда я из озорства раскачивал лодку, он в страхе хватался за борта и начинал хныкать, как девчонка, хотя был на три года старше меня.

Зато в лесу он чувствовал себя уверенно. Голодное детство приучило его смотреть на окружающую природу

с одной определенной точки: а что тут можно съесть? Ягоды и щавель, и птичьи яйца — само собой. Он обламывал и жевал весенние, мягкие, как свечки, вершинки елочек, выкапывал корешки кандыка, хрустел мясистыми трубочками медвежьей пучки; в подзаборной траве выискивал какие-то калачики.

Любопытно было видеть его в лесу. Вот он мягкой кошачьей походкой идет по лесной тропе, широкие ноздри смотрят вперед, уголки губ грязные: он только что съел корешок. Мне всегда казалось, что зрение у него было, как у зайца: сразу и влево, и вправо. Вот он останавливается, делает бросок в сторону. Сарана своими мутовками похожа на крохотную многоступенчатую пальму. В землю вонзается лопаточкой заостренная палка. Через минуту в Данилкином кульке желтая маслянистая луковица. Едва вытерев о рубаху, он сует луковицу в рот. Жует энергично, с чавканьем, и в глазах такое удовлетворение, что становится завидно.

Закрываю глаза, и мне вспоминается тот солнечный весенний день, когда я совершил поступок, за который мне стыдно и теперь. Данилка лежал на носу, как я сейчас, выжигал линзой свое имя. Я осторожно пробрался с кормы в середину, встал на борт и резко качнул лодку. Данилка ойкнул, захныкал и с вытаращенными глазами сполз на дно. Линза булькнула в воду.

Мы оба остолбенели; Данилка тихо заскулил и стал судорожно снимать штаны. Не забуду выражение его лица, с каким он прыгал в ненавистную ему воду. Благо, было неглубоко. Но, глядя, как Данилка барахтается в мутной ледяной воде, тщетно ища канувшее стекло, я понял, что шутка моя оказалась более чем жестока: отец Данилки был человек суровый, а бинокль служил памятью войны.

Я тогда тоже разделся и тоже нырял, и у меня тисками сжимало голову, и я глотал воду, пахнущую снегом и лягушками. Позже, когда мы сидели в лодке с посиневшими лицами и тряслись так, что от лодки шла мелкая рябь, я

не мог смотреть Данилке в лицо и чувствовал себя, пожалуй, не менее несчастным, чем Данилка.

Лежу с закрытыми глазами, лодка тихо скользит вниз, стучаясь бортами о стволы, точно пересчитывая их. Далеко, посредине реки, с натужным воем проносится моторка. Через минуту оттуда приближается полоса шлепков — волны проходят сквозь топольники.

Течение прибивает меня к залитому водой ивняку. Я хватаюсь за упругие бородавчатые прутья, подтаскиваю лодку к берегу. Обзеленые ладони мои густо пахнут медом.

Черноголовая птаха повисла бочком на голом стебельке, присматривается к нежданному гостю. Выпрыгиваю на сухой прочный берег и бегу вверх, через гривку, с разбегу падаю в частую изгородь волчьего лыка, — кажется, я дал лишку вправо. Кусты обрызганы карминовыми висюльками цветов. Продираюсь сквозь них, как медведь, и оттого, что под ногами ничего не видно, мне становится немножко жутко и весело. Ошалело падают с цветов отягощенные взятком осы.

Кусты волчьего лыка наконец редуют — в кривой излучине открывается Глухая курья. Перевожу дыхание. Вдоль берега колышется пленка из черемуховых лепестков. С плачем гоняются друг за другом над водой кулички. На берегу старый полуобвалившийся шалаш — видны ребра перекладин. Спускаюсь к шалашу, заглядываю в него — сыро, затхло, валяется сплюснутая банка, на сучок надета гильза. Наверное, были охотники.

Сажусь на бережок, закуриваю... «Глухая курья. Глухая курья...» — повторяю про себя — и вдруг понимаю, что не надо нам, пожалуй, возвращаться в места нашего детства. Это ведь как вино: сначала туманит голову, а потом наступает трезвость.

...Фанька была дочерью сельского почтальона. Ей частенько приходилось помогать отцу, в наших играх она почти не участвовала. Они были с Данилкой ровесники,

но выглядела она, как и Данилка, совсем подростком: должно быть, нам плохо рослось в те годы. Материнская кофта из поплина висела на ней, как на гвозде, волосы у самого затылка были перетянуты лентой, а на загорелых, поцарапанных ногах болтались парусиновые туфли.

Мы с Данилкой помогали сгребать сено на лугах, а в полдень, когда припекло, убежали на Глухую курью. Сначала ловили в курье волосяными петлями щурят-травянок. Осторожно подводишь петлю под уснувшего на мели щуренка — рраз! — и он уже трепыхается в траве, раздувая жабры. Потом нам это надосло, и мы полезли на черемуху за ягодами.

Фанька вышла на берег неожиданно, по крайней мере, мы заметили не сразу. Сняла с плеча брезентовую сумку и стала медленно, движениями крепко поработавшего, усталого человека раздеваться. Нам это показалось забавным, мы перестали жевать, притихли.

Солнце было на исходе, длинная Фанькина тень шевелилась под самой черемухой, на которой мы сидели. Одежки опадали с Фаньки, как пожухлая листва с дерева. Последним вялым движением она сдернула ленточку, отбросила, пошла к воде. Забрела в воду, но не остановилась, а шла до тех пор, пока вода не коснулась подбородка; тогда Фанька фыркнула и поплыла; за ее спиной струились волосы.

Она плавала бесшумно, как зверек, вертя маленькой блестящей головой, отфыркиваясь. Желтые глазки лилий вдоль берегов мигали, прыгали, как буйки.

Выходила она медленно, скользя по воде ладонями; солнце текло с нее, дробилось у ног золотыми кругами.

Не было Фаньки — девчонки с угловатыми движениями подростка, засунутого в мешковатые чужие одежды, какой мы ее всегда знали. На нас шла женщина, и в блестящих овалах ее плеч гасла, бесследно растворялась моя мальчишеская насмешливость. Я поперхнулся и проглотил косточку. Чуть было не раскашлялся при этом. Данилка так зыркнула на меня, что мое горло само мгновенно прочистилось.

Фанька постояла, посохла на солнце, оделась и ушла. Мы спрыгнули на землю — ягоды нам как-то сразу расхотелось — и, боясь обнаружить свое смущение, стали дурачиться, кривляться, показывая друг другу, как выходила из воды Фанька. Потом я подобрал забытую Фанькой ленточку, и мы помчались напрямик по высокой траве, по кустам — туда, где тропа делала крутой поворот.

Мы выскочили на тропу, возбужденные бегом и той тайной, к которой нечаянно прикоснулись. Фанька вышла из-за поворота, и мы смотрели на нее так, будто видели насквозь. Лица наши были, должно быть, довольно наглы, потому что Фанька вдруг остановилась шагах в десяти: «Вы что, мальчики?» На плече ее висела тяжелая сумка. Она стояла скособочившись, кожа на шее некрасиво натянулась.

Я хотел засмеяться, крикнуть, что мы видели ее мослы, но вместо этого только хихикнул, сконфузился и шагнул с тропы. Фанька заметила в моей руке ленту, что-то поняла, губы ее презрительно дрогнули.

Когда она проходила мимо, я невольно протянул ленту, она небрежным жестом подхватила ее и ушла, не оглянувшись. Что в это время делал Данилка, не знаю, но на тропе его тоже не оказалось.

Я уставился на него.

— Дурак! — сказал мне вдруг Данилка, выразительно плюнул и пощел, бросив меня одного.

— Сам дурак! — крикнул я запоздало и почувствовал: у меня это прозвучало менее убедительно.

Через три или четыре года Данилку взяли в армию. Среди провожающих была и Фанька. Фаня, Фаина — стройная, смуглощекая чалдоночка, невеста моего друга.

А еще спустя три года — это было в тысяча девятьсот пятьдесят третьем — Данилка Кусургашев погиб на военно-морских учениях. Его навечно поглотила та самая вода, которой он так боялся.

Фанька в безмолвном отчаянии уехала из нашей несчастливой деревни, уехала навсегда. Я один провожал ее. Уже в последнюю минуту она близко наклонилась ко мне, обожгла дыханием, сказала:

— Ну ладно, мальчишечка, все, живи весело. Прощай!

...Возвращаюсь поздно вечером. В топольниках кустится сумрак, масляно вздрагивает вода, и что-то нереальное чудится в молчаливой толпе загнанных в воду деревьев, и все это походит на крещение язычников.

В рубашке уже довольно свежо, но я, причалив, долго не выхожу из лодки; сижу, всматриваюсь в неясные ночные очертания. Наша деревня была старинной, жили в ней коренные сибиряки, чалдоны; на другом берегу — переселенцы из центральных губерний. Прежде так и говорили: в «расейцах» гостем был или в «сибиряки» плавал.

За годы войны, да и позднее, в верховьях сильно были порублены леса; весенние паводки стали для «сибиряков» бедствием. Часть домов подмыло, остальные, которые покрепче, хозяева раскатали и переплавили в «расейцы». От всей деревни остался теперь один двор Антона Иваныча.

Ночью слух обостряется необычайно. У дома в рябиннике устраиваются на ночлег майские жуки. Монотонный басок слышится издалека, вот он приближается, густеет, потом вдруг щелчок — удар о ветку, и жук конфузливо замолкает. Где-то обваливается подмытый берег: сначала ухает, а следом кометный хвост всплесков осыпающейся мелочи. За рекой покашливает ретранслятор, проговаривает фразу — сплошное ба-ба-ба, — следом шипение на целую минуту.

Давно пора в дом, а я не могу уйти: что-то тревожит мою память. Я зажигаю уже третью сигарету, слушаю ночные звуки. И вдруг — это как озарение — вспоминаю: гармошка! Гармошка на том берегу!..

...От крутого «расейского» берега звуки далеко катились мячиком по воде. Однажды вечером ко всем прочим

звукам из «расеи», к которым «сибиряки» привыкли и не замечали их, — стуку вальков, стрекоту веялок возле амбаров, влаиванию собак — примешался новый, робкие переборы гармоники. Кто-то на том берегу учился играть.

Новичок пилил, пока не стемнело, а потом смолк, умирался.

На следующий вечер все повторилось. Гармошка басыла, словно забавляла, и девчата поголосистей стали кричать через реку всякие веселые вещи. Но «расейский» был упрям и необидчив, и вскоре довольно сносно сыграл какую-то простенькую песенку.

Так и повелось. Наступал вечер, отходили заботы многотрудного сельского дня, и над притихшей рекой раздавались аккорды знакомой гармоники.

Играл гармонист все без разбора, нажимая больше на русские народные песни, на революционные, часто играл входившие в моду «Спят курганы темные» и «Катюшу».

Но потом стали замечать склонность гармониста к лирике.

С особенным чувством и загадочной настойчивостью играл он одну мелодию. «Коль жить да любить — все печали растают, как тают весною снега, — пела гармошка, и голос ее при этом был трогательно наивен, словно игравший сам только что разгадал эту истину и спешит поведать ее миру. — Звени, золотая, шуми, золотая, моя золотая тайга».

Никто на нашем берегу уже не смеялся над незадачливым гармонистом. Слушая его, мы вдруг с изумлением и непонятной радостью, будто сделали бог знает какое открытие, поняли, что гармонист влюбился!

Потом гармошка за рекой поведала всем, что у парня вышла размолвка: уж слишком явно, недвусмысленно принимались слова старой песни: «За окном осенняя распутица, как безлюдно рано поутру. Только листик запоздалый кружится, только птицы зябнут на ветру».

Даже пожилые, сидя вечером на бревнышках, грустнели. «Гармонист-то наш — слышите? — опять в тоску попался», — говорили они.

Думал ли «расейский», что его слушает наш берег, не знаю. Может быть, ему было безразлично. Но мы к нему не были безразличны. Его талант и открытая душа, которая с такой простотой и доверчивостью выливалась в песенных импровизациях, подкупали.

Парень помирился со своей любимой. А потом у него состоялась свадьба: гармошка стала спокойней, радость ее сдержанней, а грустных мелодий не слышали вовсе. Да и играл теперь гармонист вечерами понемногу. Что ж, все понимали — когда в доме молодая жена, допоздна не погуляешь...

Спустя год у гармониста родился сын, это случилось в апреле, только что прошел лед, и Кондома еще дышала холодом. Гармошка звучала чуть не до рассвета, охрипла; на нашем берегу смеялись: простудил на радостях-то сердешную!

Однако недолгой была радость заречного гармониста: через два месяца грянула война.

В черede замелькавших дней, в проводах мобилизованных, в слезах женщин, в скупых, холодивших сердца сообщениях Информбюро пролетело лето.

Уже под осень, как-то в сумерках, когда обычно возвращались с полей, по нашим сердцам, особенно сердцам женщин, больно ударил с того берега знакомый голос гармошки. Все вроде забыли о ней, а может быть, она это время не играла. Но сейчас, когда вдруг услышали, так обрадовались ей, что многие заплакали.

Гармошка слышалась над рекой еще несколько вечеров, а потом затихла.

Очень надолго затихла гармошка. Прошел военный год, миновал второй; деревня наша жила исступленной работой на полях и ожиданием вестей с фронта. Иногда вспоминали гармониста с того берега, гадали о его судьбе,

жив ли он еще, похоронки приходили едва ли реже писем...

Он сам напомнил о себе песней, внезапно хлынувшей с «расейского» берега.

Теперь мне почему-то кажется: гармонист знал, что его слушают не только односельчане. Играл он и для нас, для нашего притихшего, пустынного берега.

Был разгар войны; вероятно, вернулся домой по ранению. Мы радовались, что он жив, и были благодарны ему за щедрость его души. Истосковавшиеся по инструменту руки играли на этот раз с особенной, какой-то трагической проникновенностью.

Мы узнали, что воевал гармонист на море, защищал Севастополь, уходил десантом к скалистым берегам Запольярья. Возможно, подбор песен был случайным, и гармонист исполнял то, что услышал за эти два года и что крепче запало в душу. Но нам хотелось думать, что наш друг остался верен себе: в его музыке была его собственная жизнь, его судьба.

Недели через две гармошка снова замолчала. И молчала теперь уже до самого конца войны...

Началась демобилизация. Снова у женщин стали застилаться слезами глаза — у одних от радости встреч с любимыми, сыновьями, у других — от уходящей теперь уж навсегда надежды, что проклятая похоронка, может быть, соврала.

Ожила деревня. Девчата снова стали выходить на берег. Вспоминали о заречном гармонисте, что-то долго он не возвращается.

Прошла вскоре и вторая демобилизация, за ней — третья, вернулись все, кому суждено было вернуться. А гармошка на том берегу молчала... Мало кто, пожалуй, из нас знаком был с гармонистом, но невозвращение его все переживали так, будто потеряли близкого...

Жизнь входила в мирную колею. Девчата, помнившие гармониста, повыходили замуж, их захлестнули семейные

заботы. Подросли дети; горе вдов закаменело временем. Кондома вечерами была тиха и пустынна..

И вдруг — это случилось тоже вечером, в мае, когда северные ветры обивают черемуху и гулко шумят в голых залитых топольниках, — наша деревня замерла: с того берега просочились и полились тоненькие, неуверенные, сбивчивые звуки гармошки.

Инструмент был тот же самый, но взявший его в руки был совсем новичок. Пальцы соскакивали и трепетали.

Женщины оставляли самую неотложную работу, выходили на крылечко, стояли со скорбными лицами. У вдов начинали дрожать спрятанные под фартук руки. Дети за-тихали, чувствуя по лицам матерей, что происходит что-то значительное.

Играл сын гармониста; правда, еще играл робко и нечто неопределенное. Однако чувствовалось — упрямством он пошел в отца. И хотелось думать, что будут дни, когда гармошка зазвучит снова уверенно и ладно над при-молкшими берегами, с подкупающей откровенностью ве-дая миру о щедрой душе своего нового хозяина..

Растревоженный воспоминаниями, я выбираюсь из лодки, втаскиваю ее на всякий случай повыше, иду к дому. На нижних сучьях растущей в ограде сосенки бормочут сонно куры. Поблескивают на стене термометры. Запахи дво-ровой ромашки, лежалого навоза, свежевзрых в огоро-де гряд напоминают о крепком, устоявшемся жилье.

В сенях темно, вхожу в дом почти оцупью. На подпе-чке уютно горит лампа с отражателем. Антон Иваныч уже спит — он вообще ложится спать рано, с первыми сумер-ками. Анна Ильинична за деревянным станком — такие теперь можно увидеть только в музеях — ткет из цветных лоскутков дорожку. У ног ее корзина с огромными, как футбольные мячи, клубками лоскутных лент. Дорожка выходит узловатая и пестренькая, как картинки абстрак-ционистов.

Увидев меня, она певуче произносит:

— А, полуношник явился! Только дверь-то в сенках притвори, а то мошки понапихается.

Потом я ужинаю, мы вполголоса разговариваем с Анной Ильиничной о разных житейских вещах, о городе, о давнишних общих знакомых. Мне всегда нравится разговаривать с этой вечно занятой делом женщиной. Удивляет и восхищает ее речь, — коренной, не знавшей грамоты сибирячки.

Как-то утром, собираясь на рыбалку, я спросил ее: что она думает, какая будет погода? Анна Ильинична поглядела на небо, на дальние сопки, обволакиваемые туманом, сказала: «Дакая седни погода? Не будет погоды: вишь, горки-то — пятся».

Уезжая всякий раз из тихого приветливого дома, я приглашаю дорогих мне стариков в гости: автобус, мол, ходит надежно, а моя жена давно хочет познакомиться с ними, пусть приедут, в цирк сводим, в кино. Анна Ильинична при этом смеется, стеснительно машет ладонью: «Э, куда там в город, на автобусе-то мне худо бывает. Остановят, дак хорошо. А не остановят — вся так зеленью и возьмусь. — И снова машет: Куда там...»

Вот и сегодня, когда я ложусь на постланную мне лежанку, Анна Ильинична неслышно подходит и, накрывая меня еще чем-то, приговаривает: «Кабы не задрог на зорьке-то, разведрило. А одеяло-то у меня тёпло, ново, немывано».

И я лежу в обтекающей меня дреме, вдыхаю свежий запах «немываных» одеял, слушаю деревянное постукивание станка, и мне легко и бездумно, как бывало только в детстве...

В засыпающем мозгу бродят отрывочные видения — блеск мокрой гальки; полосатые осы, густо сыплющиеся с цветов, как парашютисты; влитые в прозрачное небо камни далекой крепости, излучина Глухой курьи; нагая в солнечном нимбе Фанька. И все это заслоняет старая, перелатанная лодка с выжженной навечно буквой «Д», сколь-

зящая меж колоннами тополей, как по залитому водой храму.

Прежде чем кануть в сон окончательно, успеваю подумать о том, что завтра обязательно схожу в Настин лог: вдруг посчастливится увидеть лосей? Потом заберусь на крепость, а потом, может быть, осмелюсь заглянуть к охотнику Кусургашеву...

У меня есть повод. Я спрошу подробности о его секретных приемах лова соболей, и он наверняка расскажет, потому что я ему не конкурент. И еще, может быть, попрошу подержать в руках старый «цейс», оставшийся одноглазым по моей, а не Данилкиной вине.

1967

Павел МАЙСКИЙ

ИЗ САРЪАЛИЧСКОЙ
ЛЕГЕНДЫ

Когда зима входила в наш поселок,
Сугробы наметая у дверей,
Мне снился лес: зеленый и веселый,
Такой, как на картинках в букваре.
И с октября до самого апреля,
Пока дожди не грянут с высоты,
Я рисовал веселой акварелью
Зеленый лес и красные цветы...
А мама говорила удивленно,
Мои картинки радостные взяе:
— Нельзя же лес всегда таким зеленым,
И красными цветы всегда нельзя.
И небо не бывает только синим.
Нигде на свете не бывает так...
Потом я — вырос. Стал большим и сильным
И видел остальные все цвета.
Но черный угнетал меня, как тучи,
А белый раздражал, как пустота.
А серый, он был просто очень скучный,

А я люблю веселые цвета!
Я видел все. Но если б попросили:
«Возьми и нарисуй, что видел ты...»
Я вновь нарисовал бы небо — синим,
Зеленым — лес и красными — цветы.

1967

КАПИТАН ТАЙГИ

А был он — капитан тайги,
Здоров, красив и молод!
Его литые сапоги
Смущали комсомолок,
Когда по электричке шел —
Предельно мизантропсн,
Как словно золото нашел
И до крупинки пропил...
И был восторг в его душе,
И взгляд его был томен,
И два «душля» в патронташе
Торчали наготове!

* * *

Господен дар — погожий летний день —
Окончился душевным равновесьем
Я взгорком шел, и творческая лень
Внушала мне, что мир и добр, и весел,
Что всяк живет в надеждах и в мечтах...
Но я уж знал, что это все не так!

1990

* * *

Угаснут дневные заботы,
Земля соберется ко сну,
И филин с бугра за болотом
Неслышно слетит на сосну.
Застынут росинки на листьях,
Сомкнутся круги на воде...
И выступают души на лицах
Уставших от жизни людей.

1987

* * *

В свою любимую Кедровку,
Где до сих пор живет медведь,
Хожу раз в год, как в Третьяковку,
Природу бывшую глядеть.
Кругом-то все поистребили,
У нас уже который год
На покорение Сибири
Нацелен грамотный народ.
Тайгу морями затопают,
Под корень сносят кедрачи,
Взрывают, жгут, испепеляют
Первопроходцы-лихачи!
И сей порыв рубля и знаний,
Что на ходу подметки рвет,
Кедровский пасечник Ананий
Сплошным вредительством зовет...
— Вот, помянете, так и будет, —
Вещает пасечник-шельмец,
— Сперва живое все загубим,
И сами сдохнем под конец!

1979

* * *

Нынче мало деревенских пастухов,
Больше — пришлые, за заработком, люди.
И встают они позднее петухов,
И коров они, конечно же, не любят..
Что коровы, да у нас-то, у людей,
Пастухами — не служители идей..
Вот и думай. Вот и сам себя жалеи.
А коровам и подавно тяжелей!

1980

* * *

Трава пылит. Вконец перестоялась.
Позапились безбожно на Руси..
И кем бы тут страна ни управлялась,
Попробуй — языком траву скоси!

1991

* * *

Вон как пташка над полюшком вьется,
Да как детки смеются с реки!
И чего все никак не живется
По-хорошему нам, мужики?
Ведь земли-то по скольку на брата,
И работы — хоть море пруди!
Так чего все живем без добра-то,
Точно смертушки нет впереди?
Осуждаем друг дружку заглазно,
Понуждаем к работе силком,
На миру голосуя за гласность,
Обираем Россию тайком.
И чего мы кичимся бездельем,
Да на Запад завидно глядим,

И чего мы живем безыдейно,
Потому как душою блудим?
За какие такие победы
Разрешают страну нам губить?..
Поднялись бы с могил наши деды,
Научили б Россию любить!

1967—1994

Евгений БОГДАНОВ

ЧАУЧИТЬСЯ

ЧА ТАРМОШКЕ ИТРАТЬ

Рассказ

Выпало Ивану Медведеву сразу два праздника — день рождения и отпуск. Заикнулся дома о гулянке. Жена кинула на стол чашку, закричала:

— Вам только нажраться, а мне готовь на такую ораву!

Уговаривать Иван не умел — заскрипел зубами и ушел в сарай. Сел там на чурбак, закурил. Во рту было сухо и горько. На глаза попался топор. Иван потянулся, сжал топорнице. Тронул твердым пальцем лезвие... Темная была минута.

Наутро взял он с собой водку, захватил сала с огурцами и пошел в мастерскую. На душе было муторно — обещал пригласить мужиков, и вот на тебе... Мужики увидели его с сумкой, попереглядывались, но промолчали. В обед привезли на ремонт косилку-измельчитель, но запчастей к ней не оказалось, и бригадир уехал по начальству. Полдня слонялись по мастерской, дымили в курилке. Потом смотался куда-то слесарь Сергей Иванников. К концу смены вернулся бригадир — без запчастей. Покурил вместе со всеми и махнул рукой:

— Пошли!

Во дворе мастерской стоял бортовой «газик». В кузове его сидел Серега, плевал сверху на колесо от сеялки. Бригадир велел Ивану лезть в кабину, остальные взообразились к Сереге. Выехали за деревню, проскочили по узкой дорожке к реке Кондоме. Остановились на самом берегу, на полянке среди черемух. Иван знал это местечко — ходил как-то сюда рыбачить.

Машина ушла, а мужики стали распаковывать сумки. Иван, суетясь, доставал свое. Бригадир дал знак меднику Панкратову, и тот вынес из-за куста гармонь. Иван и не заметил, как ее туда спрятали. Покачиваясь на легких ногах, Панкратов шел к Ивану. Гармонь открывала малиновые меха, повизгивала, охала басами. Мужики, щурясь, откладывали на газеты огурцы.

— Держи, Андреич...

— Вы откудова это... — заморгал Иван.

— Секрет фирмы, — засмеялся Серега, — не пытай, не выдадим.

— Я ведь еще когда баловался... — силился объяснить Иван, а шершавые пальцы его уже оглаживали бока гармони, трогали перламутровые кнопки-пуговицы.

— А ну, Андреич, попробуй инструмент. — Панкратов вышел на утоптанную у кострища площадку, развернул плечи.

— Да я...

— Давай-давай. И чтоб с выходом.

Иван накинуд на плечо ремень, поудобнее установил гармонь на коленях. Ткнул пальцем в одну кнопку, ткнул в другую...

— Забыл, мужики. Тридцать лет, считай, не играл. — Ивану стыдно было признаться сейчас, что играть толком он и не умел никогда.

— Ладно, вспомнишь, — сказал бригадир, — было бы чего вспоминать.

...За рекой дымили трубы ГРЭС; букашками ползали

по дорогам машины, а тут, меж кустами черемухи, было привольно, пахло цветами, травой и землей. Панкратов, завернув под себя ноги, травил байки:

— Приезжают к нам японцы насчет леса договариваться. Привезли их в леспромхоз. Японцы поглядели и к переводчику: «Ваши рабочие бастуют?» Наши в переполох: как так? А японцы им: мы, мол, здесь уже двадцать минут, а ваши рабочие все на пеньках сидят. Ну, наши давай объяснять, что это, мол, перекур у них...

— У нас так! — сказал Серега. — Курить так курить, пить так пить!

— Вот нас япошки и облапошили, — хмыкнул бригадир.

— Разве это работа, как мы работаем? — сказал Иван. — Плуги вон как побросали с посевной, так и валяются в поле. Я как-то заикнулся главному инженеру, так он мне: не твое дело.

— Не по инстанции пошел, Андреич, — показывая железные зубы, хохотнул Панкратов, — надо было сначала бригадиру пожаловаться.

— А что бригадир? Он так же с-нами вкальвает.

— Давай за бригадира...

Разошлись уже в сумерках. Иван стал совсем тяжелым, лез с тропинки в кустарник и ложился спать. Мужики довели его до дому, посадили на лавку. Гармонь поставили рядом.

Из огорода, позвякивая ведрами, вышла жена.

— Нагулялся?

— Ты? — выдернул кулаки Иван. — Ты мне что? А ребята мне...

Он уронил кулаки и заплакал. Жена постояла, взяла Ивана под руку:

— Пошли спать.

— Не трожь, — выдернул он руку, — обойдуся!

С утра Иван первым делом взялся за гармонь. Поставил ее на колени, посидел так... Голова раскалывалась. Он

оставил гармонь, вышел в сени. Пошарил в столе, за сундуком — везде пусто. Что делать? Пошел к старому своему знакомому Николаю Маколкину.

Тот, небритый, нечесаный, запрягал лошадь. Пегая кобыла умиралась, не шла в оглобли, и Маколкин тыкал ее кулаком в морду.

— Ты чего это с утра пораньше разошелся? — спросил Иван, усаживаясь на сваленные у забора бревна.

— А-а, жизнь такую, — Маколкин затынул супонь, присел рядом, — которую ночь сна нету. Хоть тресни. И чего только в бабку не лезет.

— А мне бы косить надо, да теперь уж только к вечеру если...

— Нюра! — крикнул Маколкин.

На крыльцо выбежала его жена — худая, с некрасивым большегубым лицом.

— Принеси-ка там чего.

Она кивнула и скрылась. Маколкин ковырял ногтем кору на бревне, молчал.

— Сыновья-то пищут? — спросил Иван.

— Пишут...

— Бывает, что и справляются. Да и твои — поняли, поди.

— Ни хрена они не поняли. Это они пока мешки вяжут, так поняли. Их теперь могила исправит.

— Ты что, Петрович?

— А-а, — Маколкин цехорошо усмехнулся, махнул перед собой рукой, — теперь уж...

Вышла Нюра. Поставила на телегу банку с пивом, накинула на кружку марлю.

— С прошедшим днем ангела, Иван Андреич!

— Ага, Нюра, прямо выручила. Петровича, поди, тоже подлечить надо?

— Не, мне ехать...

Помолчали. Нюра топталась у телеги, отирада углы рта. На скуле под ухом у нее синело. Иван никак не мог

взять в толк, за что ей Петрович поддает — баба вроде смирная.

— Как погуляли, Иван Андреич? — спросила Нюра.

— Крепко. Ребята вот... гармонь подарили.

— Ты смотри-ка! Молодцы... А я и не знала, что у нас гармонист.

— Да какой там гармонист! Так, баловался когда-то... Когда еще с твоим мужиком на Алтае коров пасли. Подожди-ка... Это, Петрович, не ты сказал ребятам?

— Я, — нехотя признался Маколкин. — Весной еще картошку Иванникову возил... ну и пришлось к разговору.

Он встал и пошел к телеге. Сел, свесив заголившиеся было без носков ноги в парусиновых туфлях. Взаяся за вожжи:

— Ну, бывай, похмеляйся тут.

И уехал. Нюра нацедила Ивану еще кружку. Он выпил и пошел домой. Голова по-прежнему побаливала, но уже можно было терпеть. Кольнуло только, когда подумал о Маколкине: худо с мужиком. Не старый еще, чтоб по ночам не спать. Это с сыновьями беда у него вышла: взялись спяну собак да кур из ружей стрелять. Ладно бы подрались — с кем не бывает, но чтоб кур бить. А потом еще не лучше — мужику в ногу пальнули. Иван вздохнул, пнул попавшую под ноги сухую навозную лепешку — не везет Николаю!

— Токо, понял, гармонь заимел, на соседей ноль внимания! — в тесовых воротах стоял Анатолий Глотов. Руки он держал на животе, крутил белыми пальцами. Телом Глотов походил на перезрелый огурец — того и гляди треснет. Иван его недолюбливал, но почему — не знал.

— А-а, сосед! Здорово живешь.

— Я-то здоров, а ты никак с похмелья. Зайди — подам.

— Да я уж подлечился.

— Дело хозяйское. — Глотов вроде как обиделся. — Гармонист...

Напомнил про гармонь, и у Ивана сладко ворохнулось сердце: скорее бы домой, поиграть до покоса.

В доме было прохладно — комнатенка у Ивана находилась на северной стороне. Он сел на кровать, как раз напротив окошка, взял гармонь. Когда-то, еще пацаном, Иван пробовал играть, но так, больше баловался. А потом отслужил, пошел работать, женился и про гармонь забыл, больше не вспоминалось. Возил Иван председателя колхоза, мотался с ним от темна до темна: не до музыки было. Когда слышал на гулянке гармонь, то, бывало, хотелось выучиться игре, занять собственный инструмент. Но ненадолго — опять работа, с женой ругань, по хозяйству от дел не отдохнешь. В последнее время вроде полегче стало: и работать ушел в мастерскую, и дети поразъехались, а суеты все равно не убавилось... Так бы и прожил без гармонии, если бы не ребята. Иван вздохнул, поаккуратнее заправил на плечо ремень.

...И мелодию будто чувствовал, и старался вовсю, а не выходило. Пальцы слушались плохо, тыкались не в те кнопки, не гнулись, не чувствовали касания. Он положил руки на гармонь. Кожа на пальцах была задубелая, изъеденная черными царапинами. Иван раскаленные угли у печки подбирал, будто шишки сосновые. На это они годные. А тут... Он поставил гармонь в футляр, посидел, упрятав лицо в жесткие ладони, и пошел отбивать литовку.

С покоса Иван вернулся поздно. Шел тяжело, понуро: накопился так, что тянуло спину. Уже у дома ему встретились Глотов с женой. Анатолий в цветастой навыпуск рубахе шел впереди, темнолицая его супруга держалась сзади.

— Косить — это тебе не на гармошке играть, — сказал Глотов, поигрывая сложенными на животе короткими пальцами.

— Не говори, сосед, — приостановился Иван, — пластаешься на эту корову все лето.

— А ты ее, понял, на базар сведи.

— Другой раз так и подумаешь. Но опять же — как без нее?

— А ты козу заведи. Сена ей на зиму — два навильника. Я, понял, забот' не знаю: ради физзарядки помахаю литовкой разок — и готово. Можно еще козла в придачу — с пухом будешь.

— Не. Сроду этих козлов не держал... Как-нибудь без них.

— Ну, тогда гляди. — Глотов снял с живота руки и неторопливо пошагал дальше. Его супруга молчком тронулась следом. Проходя мимо дома Медведевых, кивнули навалившейся на калитку жене Ивана Клавдии.

— Живут же люди! — с завистью сказала та, глядя Глотовым вслед. — Она при начальстве бумажки разбирает, он тоже шибко не уработается, отдежурит сутки — и трое дома. Вот и погуливают, как на картинке.

— Погуливают... — передразнил жену Иван, — заводи козу и гуляй с ней!.. Погуливают...

— А тебе бы только лаяться, — закричала жена, — была бы моя воля — исколотила бы всего поленом! Ведь вот до чего постылый стал.

Иван усмехнулся, прошел к сараю. Повесил литовку, присел на чурбак. Не мог жене простить того, что отказала с гулянкой. А ребята — вон чего удумали... На душе у него потеплело, но потом вспомнил, как маялся утром, и опять нехорошо стало. Так и ужинал с тяжелым сердцем. Но перед тем как ложиться спать — не утерпел, достал из футляра гармонь. Попиликал минуту и опустил на пол. Не шла музыка.

Наутро Иван снова пошел косить. Жене в это лето отпуск не дали, так что от нее помощи не жди. Хорошо, что ему еще подвезло... Но опять же — раньше сын приезжал, а нынче не будет: отправили, пишет, в командировку до середины июля... Может, хоть метать поможет. Одному-то тяжеловато. Да и тоскливо. Иван всегда удивлялся, как Маколкин работает — все один. Как уйдет с утра,

так до вечера пластается... А дома такие лбы играют. Вот и доигрались до тюрьмы. Николай, как посадили сыновей, корову продал. Лошадь оставил да и то, говорит, до зимы только: покос-то бросил. Чужим людям что-то еще подвезет и все — будто выдохся мужик. А как работать умел! Иван как-то шел мимо его покоса да встал в шутку следом. Куда там! И ростом вроде не обошел его. Николай, а как взялся махать без оглядки! Иван так не мог. Ему легче, когда с народом, когда можно с кем словом переброситься. Хоть с женой, на худой конец, только б не одному.

Выкосив ложбинку, Иван передохнул, сходил к родничку и принялся за косогор. Трава уже начинала поскрипывать, и он по два раза на покосе точил литовку. Тут еще оводы налетели, жалили в голые руки. «Ладно, отпуск долгий — выкошу», — решил Иван и пошел домой.

День он провалялся на кровати, а вечером надо было опять идти. Иван долго собирался — то курил в сарае, то поправлял поленницу — не глянулось ему одному.

И так всю неделю. Трава уродилась мелкая, и пришлось подкашивать, добирать по кустам да обочинам. В последние дни Иван косил только утрами — вечерами поспевал копнить. Жена днем ходила ворочать, помогала грести, а уж копнить приходилось одному. Выматывался к ночи так, что только бы до кровати добраться. За гармонь и не брался — не до нее было.

После ужина Иван выходил на крыльцо покурить. Вечера стояли душные, тяжело пахло огуречной ботвой и коровьим навозом, кислые запахи шли от сырой земли изпод крыльца. Приходили думы — тоже тяжелые и нехорошие. Иван торопливо докуривал, зачерпывал в сених ковш воды и шел спать.

В субботу приехал сын. Когда вечером Иван вернулся с покоса, тот в одних трусах сидел во дворе и ел малину с молоком. Был он в мать: грузный, большеносый, широкий в кости. Иван обрадовался: со дня на день собирался дождь, а в копнах, как известно, не сено.

— Все выкосили? — спросил Михаил.

— Все. Пришлось еще в кустах подкосить, сегодня как раз сложил копешку.

— А я не мог нынче — замотали эти командировки, черт бы их...

— Ну, ничего, метать сможешь, а то мне одному-то...

Михаил отодвинул чашку, потянулся:

— Застоялись косточки...

— Я тогда до Петровича сбегая.

Маколкин сидел на бревнах у ограды: держал локти на коленях и глядел в землю. Между пальцами дымилась папироса.

— Михаил приехал, — сообщил Иван, — я уж думал, одному придется метать.

— Сколько накопил-то?

— Десятка два наскреб. Выгорела трава, сам видишь.

— Ладно, подъеду...

Маколкин послунывил окурок, сплюнул. Потер ладошками щеки. За его сливой в занавешенном окошке тускло отсвечивало красное солнце, фыркала в загоне лошадь, шел дым из трубы летней кухни. В огороде что-то колошилась Нюра. Маколкин молчал. Иван потоптался, вздохнул.

— Пойду, что ли. Старуха уж, поди, опять жалуется Михаилу. Прямо не баба, а бульдозер.

...Он как чувствовал — нашептала жена сыну. Когда выпили покурить перед сном, Михаил сказал:

— Жалуются тут на тебя.

У Ивана задрожали губы:

— Ты, Михаил, всей правды не знаешь. Я хотел, чтоб все честь по чести — собраться, посидеть. А она — разинула глотку.

— Мать говорит, что ты накануне пил.

— Чего я там пил? Ей бы только хай поднимать... — Ивану было стыдно оправдываться перед сыном и обидно оттого, что тот думает про него плохо.

— Не пойму, чего вам делить? — продолжал Михаил, — живете вдвоем, дома все есть. Чего не хватает?

Иван встал:

— Пошли спать. Завтра рано подниму.

— Да, папа, тебе, я тут слышал, гармошку подарили, — сказал в спину Михаил, — ты разве играешь?

— Научусь, — буркнул Иван, — вот сено смечем и возьмусь.

...Подвезли к остожью пятую копну. Маколкин, молчком сидевший под вербой, поднялся:

— Начинайте метать, я навожу.

— Да отдыхай, Петрович, — замахал ему Иван, но Маколкин, будто и не слыша, уже брался за уздцы.

Стог разложили на трех копнах. Михаил скинул рубашку и, тужась так, что намечались под толстой кожей мускулы, брал лохматые пласты.

— Не надсажайся, сынок, — охала со стога мать.

— Ничего, — плевал на ладони Иван. — Пущай разомнется. Полезно... Не все по свердловском ездить.

— А что ты хочешь? Чтоб он, как мы, всю жизнь в навозе копался, свету белого не видел?

— С тобой не то что белого, черного не увидишь.

— Опять? — прикрикнул Михаил, оглаadyваясь.

— Прямо не человек, а зверь какой-то, — запричитала мать, — вот что я такого сказала, что он на меня накинулся?

— Все, хватит! — тонко закричал Михаил, — совсем уже, что ли?!

Иван мотнул головой, зло ткнул вилы в сено. Но пласт поднял легко, легко понес.

Подъехал Маколкин.

— Чисто.

— Отдыхай, мы помаленьку управимся.

Маколкин отпустил лошадь, ушел под вербу. Сел там в тени, нахохлился. Иван с сыном прошли круг, стали за-

брасывать середку. Маколкин поднялся, взял вилы-полу-стожки.

— Да мы сами, Петрович.

Маколкин подошел к свежей копне, навалился, присел — и поднялось с ним столько, что Михаил присвистнул:

— Тебя, дядь Коль, на ВДНХ надо!

— Это не мужик, а прямо золото настоящее, — отозвалась Клавдия, — такой рабочий.

— Больше, Васильевна, и не научен ничему, — сказал Маколкин, — как запряглись с войны, так и тянем.

И опять взялся кидать. Иван отправил сына рубить ветреницы, сам подкосил на макушку свежей травы. Дело было сделано. Оставалось еще причесать стог, поставить подпорки.

— Давайте перекусим, — не выдержал Михаил.

Но Иван с Маколкиным все ходили вокруг стога, оглядывали его. Наконец отошли к вербе. Клавдия подала им банку с водой. Маколкин закинул голову, и по его коричневой, посеченной морщинами шее потекли грязные струйки.

— Вы бы умылись, — поморщился Михаил.

— Ничего, теперь уж до дому, — отмахнулся Иван.

Ели сало с хлебом, хрустели зеленым луком. Еще были молоко, яйца.

— Николай, ты чего мало ешь? — заметила Клавдия, — так помог хорошо.

— Правда что, — поддержал жену Иван, — угощайся. Шутка ли — такую махину до обеда скидать.

— Дядь Коль, давай на руках потягаемся, — предложил Михаил.

— Сиди! — прикрикнула мать. — Не натягался еще.

— Ну, поеду, — поднялся Маколкин.

— Так ты подбегай часам к пяти, — сказал Иван, — посидим.

Маколкин косо мотнул головой и пошел седлать лошадь.

Дома истопили баню. После бани мать собрала под черемухой на стол. Иван собрался идти за Маколкиным, но тот пришел сам. Был он в той же выгоревшей рубашке, в гармошку стянутых на худом животе штанах, в тех же парусиновых туфлях на босу ногу. Прошел к завалинке, достал портсигар. Иван присел рядом на корточках. Покурили и пошли к столу. Похлебали окрошки. Потом Клавдия принесла картошки со сметаной, посидела и, махнув рукой, вынесла откуда-то из огорода бутылку.

— Ты их что, закапываешь там? — засмеялся Михаил, стряхивая с бутылки комочки земли.

— Не знаешь, куда и прятать от вас, — заругалась Клавдия.

Михаил обнял ее за тяжелые плечи, поцеловал в висок. Мать обмякла, прижмурилась. Иван, выстукивая пальцем по столу, покосился на жену и сына.

— Как гармонь-то? Показал бы хоть... — сказал Маколкин.

Иван соскочил с лавки, убежал в дом. Гармонь вынес не в футляре — на плече, с развернутыми, полыхающими жарким огнем мехами. Но играть не стал — попробовал басы, пока шел, и подал гармонь Маколкину. Тот оглядел ее, постукал пальцем по перламутровому корпусу:

— Хороша штука. Не выучился еще?

— Да с этим сеном, — поморщился Иван, — все некогда.

— Надо было раньше, — сказал Михаил, — мы своего пацана думаем в музыкальную школу.

— А мы с твоим отцом уже в тринадцать лет пахать вышли, — усмехнулся Маколкин, — я вот, помню, четыре класса кончил, а мать мне и говорит: «Давай, сынок, запрягайся. Батка на фронте, ты в семье за старшего».

— Тогда время такое было.

— И теперь все войной стращают, — протяжно вздохнула Клавдия, — старые люди что говорят: пойдут народы один на другой — и настанет конец света.

— Ну, ладно про это, — сказал Михаил, — давайте лучше споем.

Он отвалился на спинку стула и затыкнул:

— Степь да степь кругом...

Пропел куплет и обиженно замолчал.

— Мы таких песен не знаем, — сказала Клавдия.

— Это же самая что ни на есть народная!

— Кто ее знает... Не пели почему-то...

— Ну тогда, — Михаил подумал. — Вот кто-то с горошки спустился...

Иван ему подтянул. Пел он серьезно, выпрямив спину и вытянув шею. Вплелся в песню и высокий тоскливый голос Клавдии. Зажмурясь, она раскачивалась на табуретке большим грузным телом и шумно забирала ртом воздух. Маколкин, съежась, все потряхивал головой так, будто на него садились мухи.

— Если бы еще да под гармошку, — вздохнула Клавдия, когда кончили петь.

— Ничего, и так хорошо, — сказал Михаил.

— Я прямо люблю, когда все вместе, — продолжала Клавдия, — когда все детки наши соберутся... На Ильин день вот Любаша с Таней обещались. Ты, сынок, как, приедешь?

— Если в командировку не пошлют.

— Ох, доездишься... Спутаешься с какой-нибудь и семью бросишь.

— Не брошу. Жена у меня что надо.

— И славу богу, живите дружно. Все детки у нас хорошо устроились. Любаша пишет — на Черное море собираются. Вас, говорит, попроведаем и поедем. Ты уж, сынок, как-нибудь поговори с начальством, пусть отпустят. Это ведь как хорошо бы всем вместе собраться.

Маколкин неуклюже поднялся и пошел со двора. Сначала даже и не сообразили, что это он.

— Ты куда, Петрович? — крикнул наконец Иван и побежал следом, но Маколкин уже уходил по переулку, и

со двора было видно, как ныряла при ходьбе его темная голова.

Иван повернулся к жене:

— Ты когда свое ботало укоротишь?

— А что я такого сказала?

— Чего про детей закудаhtала? Забыла, где у него?

— Правда, мам, зря ты так... — встрял Михаил.

— И ты туда же! Давайте на мать, давайте — недолго уж осталось! И за что же на меня такое горюшко — одну всю жизнь пилит и другой с ним же.

— Я по справедливости, — сказал Михаил, — а у вас, как ни приедешь, все одно и то же.

— Забирай с собой отца. Хоть неделю поживу спокойно, — утираясь концом платка, Клавдия стала убирать со стола посуду.

Иван ушел в сарай. Михаил пошел гладить брюки. Гармонь осталась на краю лавки. Клавдия позже вытерла ее мокрой тряпкой и унесла в дом.

Последним вечерним поездом Иван с сыном уехали в город.

Вернулся Иван на пятый день — не додюжил неделю. Приехал, а дома никого — жена ушла на вечернюю дойку. Иван вычистил в стайке, подвязал у яблони надломившуюся ветку, поднял брошенную лопату — больше дела не находилось. А по работе он истосковался. Тыкался у сына в четырех стенах, как теленок. Вот ведь — то не знаешь, куда от этой работы сбежать, а как нет ее, так еще хуже. Так и уехал от сына раньше, чем думал...

— Сидишь? — Иван и не заметил, как подошел к ограде Глотов, навалился на штакетник

— Да вот...

— А Николай, понял, все — отсиделся. Лежит теперь.

— Где лежит?

— Да где — на горушке. Как раз, понял, за посадками.

— Ты это... — Иван тяжело моргнул, — ты...

— Позавчера как схоронили.

Иван поднялся с завалинки и боком, подворачивая ногу, пошел к забору.

Глотов шевельнул белыми бровями:

— Не спотыкнись, смотри.

— Мы ведь еще вот... выпили с ним...

— В ту ночь, понял, и повесился. — Глотов сорвал черемуховый листик, подул на него. — Я как раз утречком на озеро собрался. Там сейчас карась здорово берет. Мне Панкрат хвалился — ведрами, говорит, таскаю. Ну, я и думаю — дай, сбегаю. Минут пять посидел. А потом слышу — какая-то баба кричит. Я еще внимание обратил — чего, думаю, орет спозаранку? А потом домой пришел — моя мне: так и так. Я туда. А он уже все — готов. Нюрка говорит, под утро вышел, будто бы во двор. А потом все нет и нет. Выбежала, а он висит. Я, понял, говорю — может записку оставил? Да кому там ее искать? Я у конюшни пошарил — ничего.

Иван глотал горячий дым, кашая и опять глотал:

— Как же это он так...

— А я, понял, давно за ним замечал: вроде как не в себе он. С одной стороны, оно и понятно.

Иван бросил окурок, пошел. Сел в сарае на чурбак, скорчился. Не сиделось. Вышел. Глотов, сложив руки на животе, еще прохаживался по проулку. Иван ушел в дом, лег на кровать, закинул голову на руки. Он хотел подумать о Маколкине, но лезли другие, не нужные в этот момент мысли: о сыне, о жене, о работе. Иван пытался представить себе, как это все в жизни так устроено, что вот он живой лежит на кровати, может пошевелить ногой, а Маколкин, с которым они еще совсем недавно курили на завалинке, лежит в это время глубоко под землей, и нет ему там ни света, ни воздуха. Иван сглатывал слюну, замирал и вдруг замечал, что думает про оставленные в поле плуги. Он спохватился, начинал вспоминать, как уходил Маколкин, когда Клаша затрезвонила про де-

тей, хотел повиниться за это, но набегали другие картины: как мыкался у сына, как пиликал на гармонии.

Только голова заболела.

— Почему телеграмму не отбила! — спросил он жену, когда та вернулась с работы.

— Так вот... Сначала не сообразила, а потом уж чего — поздно... Он ведь недолго дома-то лежал — жарко.

— А Нюрка — как она там?

— К сестре уехала. Не могу, говорит, тут ночевать.

Иван помолчал, глядя в середину стола:

— А лошадь?

— Продала.

Клавдия скрестила на груди руки, задумалась. Блеклые ее глаза устремились кверху:

— Это бесы его к себе утянули — больше некому.

— Чего собираешь? — оборвал ее Иван.

— А что ты думаешь? — Жена даже не обиделась. — Я еще раньше про это слышала. Вот про Бобылева что говорят? Как-то на покосе заговорили мужики про тех, кто сам себя решает, а он возьми привяжи к березе веревку и сунь голову в петлю. Будто бы понарошку хотел, а сам все пятится и пятится. Уж и синеть начал. Мужики-то ведь едва успели снять веревку. «Ты чего?» — спрашивают. А он им отвечает: бесы, мол, тянули назад. Им ведь только намек дай. Вот и Николай. Он, может, только подумал, а они уж тут как тут.

— А ты бы языком поменьше молола, — Иван хотел выругать жену, но глянул на ее широкое опечаленное лицо и вздохнул — чего с нее возьмешь?

Они сидели во дворе, за тем же самым столом под черемухой, что и тогда с Маколкиным, ели картошку и запивали ее парным молоком. За забором, в сухой канаве, лежал старый козел Гловых, тянул морду к травинкам. Иван глянул на козла раз, глянул другой, потом вдрут соскочил и заорал:

— Пошел отсюда! Разлегся, скотина! Пошел!

Пошарил глазами палку, но не нашел и кинул в козла горсть земли с клумбы.

В воскресенье Иван взял у Рябова лошадь и поехал на базар продавать картошку. Дорога до городка Калтан была недолгая — каких-то шесть километров. А вот к самому павильону едва пробился: народу было столько, что запрудили все от забора психбольницы до кинотеатра.

— Что это за напасть такая? — спросил Иван у мужика, который тоже стоял с картошкой.

— Позакрывали кругом базары — вот и кинулись сюда...

Иван огляделся: везде сновали ребята с сумками, вертели в руках разную обувь, полосатые со звездочками ремни, какие-то пакетики. С теми же товарами околачивались и молодые бабы. Дальше, у магазина, продавали ковры — там тоже было людно. Потом Иван услышал, как в стороне психбольницы заиграла гармошка. Что она там играла, он не разобрал, но сердце у него захватило. Продавая картошку, Иван нет-нет да и поглядывал на забор, прислушивался к добежавшим до него голосам гармошки.

Стоять ему пришлось недолго — за полчаса все разобрали. Иван сбросил мешки на телегу и поехал к психбольнице.

Недалеко от забора, прямо на земле были разложены газеты, и на них стояли гармони: старые, уже потертые и совсем новые, отражавшие неяркие зайчики. Покупателей было маловато — подходили мужики, слушали минутую другую и топали обратно. Иван не уезжал, тянул голову с телеги, когда кто-нибудь стоял на дороге. Иногда мужики брали гармони, наигрывали, и тогда круг становился плотнее. Но тоже ненадолго. А потом гармонь взял еще один. Этого высокого худого мужчину Иван еще раньше заметил: все ему не стоялось спокойно: то вертел своей цыплячьей шеей, то царапал себе ноги. На него поглядывали. И когда он подошел к гармониям, вокруг тут же про-

бежал шумок. Пробежал и стих. Мужчина просунул в ремни длинные руки, переступил с ноги на ногу так, будто застоялись они от ожидания, глубоко вздохнул. И заиграл. Его тут же обступили. Иван соскочил с телеги и протиснулся поближе.

Такой игры Иван не знал. Гармонист играл легко, будто балуясь, а с одной мелодии на другую переходил так запросто, будто за кружкой пива разговаривал. Иван сначала отмечал про себя — вот «Амурские волны», вот «Прощание славянки», а потом перестал отмечать — открыл рот и замер. Смотрел, как липнут ко лбу гармониста редкие волосы, как подергиваются тонкие и бледные ноздри, как шевелятся сухие губы. А гармонь уже говорила другие, незнакомые Ивану песни — не те, которые он слышал сызмальства, и не те, которые наявливает теперь молодежь. Это была другая музыка, и она нравилась ему.

Гармонист кончил играть, передал хозяину инструмент.

— Молодец, парень! — крикнул кто-то, — дал гари!

И сразу загалдели, задвигались кругом. А гармонист кривил в неясной улыбке губы и тер о штаны ладони. Штаны у него были мятые, засаженные. «Без бабы живет, — подумал Иван, — только и радости, поди, что гармошка».

— Глянь на психов, — толкнул Ивана стоявший рядом мужик.

Из-за сплошного дощатого забора таращились больные в бледно-синих куртках и халатах. Они тесно жались друг к другу и глядели на базар с каким-то тоскливым любопытством. Среди них Ивану вдруг приглянулась чернобровая круглолицая бабенка. Она находилась немного в стороне ото всех и держалась весело, с улыбкой. Иван, уже было тронувший лошадь, потянул на себя вожжи. Ему вдруг захотелось подольше посмотреть на эту ладную миловидную женщину. Вон она какая опрятная, будто точеная, — не чета Клашке. Чернобровая заметила Ивана, повернула к нему чистое личико:

— Ты кто будешь?

— Я? — он растерялся. — Да вот... картошку приезжал продавать.

— А кто я, знаешь?

Иван пожал плечами.

— Я — Людмила Зыкина! — подмигнув, она выпростала из-за забора руки и протянула их к Ивану. — Буду петь да тебя целовать — научись на гармошке играть!

Она пропела это пронзительно громко, глядя на него во все глаза.

— Соскучилась без мужиков, — сказал кто-то рядом.

— Они соскучатся, — мало, что ли, своих жеребцов. Вон — как на подбор выстроились.

— Вы почему мне не хлопаете? — закричала чернобровая. — Почему такие некультурные? Эй ты, мужчина на телеге!

Иван понукнул лошадь. Та нехотя потрусила.

— Я в Париже выступала! — кричала сзади больная.

Иван привстал и принялся нахлестывать лошадь концами вожжей.

— Ошалел, что ли? — отскочивший с дороги парень зло махнул кулаком.

Иван опустил руки. Вот ведь навалилось... Вспомнил базарного гармониста. Соскочил с телеги и пошел рядом. Все неладно. И у самого, а тут еще Петрович... Эх-ма...

В деревне Иван повернул лошадь к магазину. Взял бутылку, спрятал ее в мешки. Дома пошел в сарай, достал из верстака стакан. Но только настроился, отворилась дверь.

— Лаяться будешь? Ну, давай, начинай, — усмехнулся Иван.

Жена села на порог, уперла щеку в кулак. На Ивана не глядела — думала что-то свое. Он растерялся, замешкался со стаканом.

— Может... за компанию?

— А то я пила когда-то...

— Ну, маленько, — Иван засуетился, пододвинул поближе к порогу чурбачок.

— Что это ты вдруг — праздник, что ли, какой? — беспокойно шевельнулась жена.

— Жизнь такая! — озлился Иван, но тут же осек себя, распрямил пальцы.

— Обязательно орать надо? Что за человек..

— Заорешь тут... Ну, держи, что ли.

— Да не буду я. Мне еще огурцы щипать да солить сегодня. Кадку мне пропарь.

— Ладно, — нащупал щечочку, стал соскребать с верстака стружку. Не по себе ему было. И выпить вроде расхотелось, и трезвым тяжело сидеть.

— Картошки много было? — спросила жена.

— Нет, быстро разобрали.

— А чего долго так?

Иван помялся:

— Гармониста слушал.

— Еще, поди, рот разинул?

— И разинул — тебе что? — напружинился Иван.

— Да мне ничего — разевай, — жена помолчала, — ты раньше гармонистов не слышал.

— Такого не слышал, — Иван тоже помолчал, — мастер мужик. Так и горит в руках.

Жена вдруг вздохнула:

— А я ведь гармонистов раньше шибко любила. Как заиграют где — аж сердце зайдет, — мигая, она поглядела мимо Ивана в темный угол сарая, — а вот и жизнь прошла.

Она навалилась на косяк, вытянула вперед большие, обвитые венами ноги:

— Совсем с тобой старые стали, оба никудышные. А ты еще табаком травишься. Не курил бы — все, глядишь, посправнее был бы...

— Так вот — привычка уж..

— Привычка... А вот возьми да брось. Есть же мужики, которые раз — и бросят.

— Оно так, — кивнул Иван, — надо будет попробовать.

— И пробовать нечего. Возьми и прямо сейчас же брось.

— Скорая ты больно.

— Об твоём же здоровье беспокоишься. Погляди, до чего дошел — кожа да кости. Обедать будешь?

— Маленько погода. Сейчас чего-то...

— Я окрошку сделаю. А ты мне про кадушку не забудь. Надо посолить, пока не переспели.

Она вышла. Иван какое-то время сидел, не двигаясь. Потом вытер рукавом мокрый лоб. Подумал еще: с чего это вдруг? Не на солнышке вроде сидели...

Виктор ЗАХАРОВ

* * *

Люблю домишки с деревянной крышею,
Старушек, в них живущих на гроши...
И я прошу все время у Всевышнего:
— Не огроби моей больной души!
Оставь меня, каким рожден был мамою,
Каким меня на муки создал ты.
В том и мечта моя святая самая...
И нет другой, достойнее мечты!

ЛОКОС

Опять иду с косою на покос я,
Тропинка змейкой предо мной бежит,
Блестит роса, как бриллиантов россыпь,
И по ночам туман еще лежит...
Признаюсь, с детства не люблю покосы,
Да и за что косьбу мне подлюбить, —
Когда травы распущенные косы
Косою острой буду с плеч рубить...

А все ж иду на это преступленье,
Тень за собой по полю волоча...
Так и шагаем вместе с этой тенью,
Как два огромных, мрачных палача.

Памяти земляка

В.М.ШУКШИЧА

Он знал, как бабы в праздники поют,
Как по усопшим плачут, завывая.
Прекрасно знал крестьянский тяжкий труд,
Алтайский хлеб в Москве не забывая.
Был не могуч в плечах, но коренаст,
Был не высок, да и не низок ростом,
Лицом похож на всякого из нас —
Простой мужик при галстукe для форса.
Любил Катунь он, Сростки, Чуйский тракт,
Друзей любил... Особою любовью
Любил собак, затурканных собак,
Их понимая собственною болью...
Он многого при жизни не допел,
На многие вопросы не ответил...
Но даже то, что сделать он успел,
Звездой любви всегда в ночи нам светит!

и. Сарбала,

1994

Владимир КУРОПАТОВ

Из книги рассказов «Долгая неделя»

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ

В середине шестидесятых годов светлой памяти Александр Никитич Волошин, автор популярного в свое время романа «Земля Кузнецкая», в очередной раз приехав в Осинники, в узком кругу рассказал (забыл уже, по какому поводу) эпизод, который я излагаю так, как он мне запомнился.

Весной 1929 года прибыл на Алтай в числе других уполномоченный двадцатипяти тысячник Сидоров — назовем его так — проводить в деревнях сплошную коллективизацию. У других дело шло не Бог весть как, у Сидорова же — за милую душу. Чем брал? Каким свойством, средством ли обладал?

Приходил в деревню, собирал народ, держал речь:

— Значить, мужики, а также бабы, пора начинать новую, светлую и, знамо дело, зажиточную жизнь. Значить, как говорит товарищ Сталин, хватит, поединоличничали, помыкали горе, побатрачили на кулака-миродея. Ликвидируем этого миродея под самый корень как вражеский исплотаторский класс и зачнем сообща жить колхозом. А значить, кто желает добровольно идтить навстречу кол-

хозной заре, дружно подымай руки... Так, одна... две... Две. Дружней, дружней, дорогие мужички и бабы... Да вы что, едришкина шишка! Ведь трактора, совместная обработка земли и всячѣская коллективная жизнь. Дашь поголовную добровольность, товарищи крестьяне!.. Ну, так чего вы?

— Мы, человек хороший, пока воздержуемся, — несмело отвечали мужики. — Вишь ли, дело новое, незнаемое, надоть погодить, хорошенько подумать. А то как бы не того — не хужа.

— Чего годить-думать? Товарищ Сталин, говорю, что вам говорит?

— Дак оно, конечно, говорит товарищ Сталин двиствительно верно. Но погодить — будет не во вред.

Сидоров так и этак убеждал крестьян, сказку про умирающего отца, сыновей и веник рассказывал, мол, люди спайкой сильны. Толку никакого. Мужики стояли на своем:

— Сперва надо поглядеть, как эта спайка у других пойдет, а потому — погодим.

— Да на кого ж вы глядеть станете, если все, как вы, годить будут?

— Так опять же, дело-то — добровольное.

— Правильно. Вот и подымай добровольно руку. Ну, дружней!

— Не, погодим пока..

Другой в такой обстановке как начинает действовать? Вспомнит Господа Бога да кулаком об стол — хрясь! Нет, уполномоченный Сидоров не из той породы дуролѣмов был. Крик-гряк, считал, делу не пособник.

— Значить, слово ваше окончательное? — спрашивал Сидоров. — Не записываетесь в колхоз?

— Погодим...

— Жаль, мужички. Шибко, как говорится, жаль. —

Некоторое время уполномоченный о чем-то отрешенно думал, издавал тяжкий вздох, после чего как бы нехотя запуская руку за голенище сапога и вытаскивал...

— Что, по-вашему, Сидоров вытаскивал? — помню, спросил нас Александр Никитич Волошин.

Мы в ответ:

— Наган, наверное.

— Нет.

— Гранату?

— Нет.

— Тогда какой-нибудь грозный документ.

— Не угадали. И не угадаете...

Вы, читатель, тоже не угадаете. А потому говорю: доставал уполномоченный Сидоров из-за голенища самую обыкновенную, черную телефонную трубку. Прикладывал к уху, говорил в нее, кашлянув:

— Але. Але, барышня?! Здравствуй-ка, душа моя. Эт уполномоченный Сидоров с Алтая. А соедини-ка меня, милая, с товарищем, значить, Сталиным — надо покалякать по одному пустяку. Добро, красавица, жду... Але! Товарищ Сталин?! Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Говорит уполномоченный Сидоров с Алтая... Дела? В целом отлично идут дела, Иосиф Виссарионович, везде стопроцентная коллективизация — притом самая добровольная. Но, как говорится, в семье не без урода. Значить, на настоящий момент я в Ивановке. Провел по всем правилам агитацию, а товарищи мужики и бабы говорят, мол, хотим погодить... Что?.. По всем, товарищ Сталин, правилам, говорю — ласково, местами с прибаутками и в три захода. Ответ один: погодим. Вот такая, значить, политическая закавыка получается. Мое личное мнение, в этой Ивановке контра и другой вредный алимент верховодит... Да, товарищ Сталин, слушаю... Что? Отдаете приказ бонбить Ивановку с ирапланов?! Товарищ Сталин, одну ми... Минуточку, Иосиф Виссарионович! — Сидоров отводил руку с трубкой за спину, всполошенно и яростно шептал

собранию: — Беда! Беда, мужики! Вождь дюже осерчал на вас — вы ему всюё картину коллективизации портите. Сейчас из Барнаула прилетят ирапланы и станут вас бонбить! Живо, язви вас, решайте насчет добровольности!

Собранием овладевал ужас. Бабы ударялись в вой и плач. Мужики подавались вперед, к уполномоченному.

— Слышь-ка, записывай. Мы — согласные...

— То-то, братцы. Ой, слыхали б вы, как он... — Сидоров опять прикладывал трубку к уху. — Товарищ Сталин, конечно, извините, но, может, не надо бонбить Ивановку, а? Значить, пока мы с вами разговаривали, мужички покумекали и уже согласны... Знамо дело, товарищ Сталин, — вполне добровольно... Хорошо, скажу... передам сей же час... Спасибо, до свидания, Иосиф Виссарионович. — Утирая шапкой взмокший лоб, Сидоров запикивал трубку за голенище. Позабыв про собрание, долго о чем-то думал. Очнувшись, улыбался народу: — Чуть, братцы, не позабыл. Товарищ Сталин велел передать вам большой горячий привет и, как, значить, говорится, всякие пожелания... А теперь подходи записывайсь. Только давай без толкучки...

1991

КОЛЯ ДОЛГОВ

Почти все позабыты, с кем жил давным-давно в Осинниках в шахтерском общежитии, Коля же Долгов, мой ровесник, незабвенен.

Он был из Мундыбаша, поселка обогатителей. Как я уяснил из его рассказов, мать была мягкой доброй женщиной, но горькой пьяницей и распутницей. Рос Коля трудно, сам по себе. В свои восемнадцать ростом, видом, образом мыслей походил на двенадцатилетнего подростка — явные признаки инфантилизма. А души был мудрой, нежной и

умилительной. С нетерпением ждал совершеннолетия, чтоб пойти работать, много получать и хорошо обеспечивать мать. Тогда она станет на путь истинный — ее пьянство и распутство от бедности и горя. Помногу получают шахтеры. Вот он и приехал на шахту.

В личном столе, услышав вопрос «какое образование?» — испугался и расплакался: он никогда в жизни не переступал порога школы. Сердобольные женщины, расспросив его обо всем, записали в карточке «4 класса». И был Коля принят на добычной участок мотористом — самая в шахте последняя, самая легкая и, понятно, малооплачиваемая должность. Но очень удобная для учебы. Только куда он пойдет учиться, не умея даже расписаться.

И занялись мы с ним азбукой, письмом, грамматикой и арифметикой. Оказался Коля прилежным, сообразительным. И часто смешил и умилял меня.

— Задача такая: У меня тридцать рублей, у тебя на двенадцать больше. Сколько у тебя рублей?

Подумал, подумал и возразил:

— Нет, Володя, пусть у меня тридцать, а у тебя на двенадцать больше.

— Ну, пусть так.

— Ур-р-а-а! У тебя сорок два рубля!

При изучении частей речи:

— Слово «кровать», Коля...

— Имя предметное женского пола...

За три-четыре месяца довольно систематических занятий Коля научился бойко читать, сносно писать и в пределах необходимого оперировать четырьмя арифметическими действиями. Был рад и горд собой. Твердо решил пойти осенью в школу рабочей молодежи. Но — не сбылось. Однажды он поехал на выходные домой. Вернулся расстроенный: мать совсем сошла с круга. Ему надо быть возле нее. Уволился с работы и уехал в Мундыбаш.

Все это рассказано для того, чтобы тебе, читатель, яснее виделось то великое и святое в душе Коли Долгова, что сделало это имя незабвенным для меня.

Коля с нетерпением ждал первую свою получку. И вот завтра после смены он подойдет к кассе и станет обладателем почти тысячи рублей — бешеные деньги. Коля был взволнованный и непоседливый. Когда все легли в постель и погасили свет, он вращался с боку на бок и затаенно вздыхал.

— Ты чего это? — спросил я.

Минутное молчание. Потом глубокий, тяжелый вздох, скрип кровати. Встал, подошел ко мне. Шепотом:

— Подвинься.

Укрыл нас обоих с головой, в горячем волнении прильнул к моему уху.

— Куплю большой-большой кулек дорогих конфет, красивого-красивого зайца — я его уже приглядел — и пойду вон в тот, ниже нашего общежития, барак. Там живет девочка, года четыре ей. Бедная. Папы у нее — я выведал — нет. Мама тоже пьяница. Дам ей кулек и зайца. И поглажу по головке. А она удивится, спросит: «А ты — кто?» Я скажу: «Это не главное. Главное расти веселая и красивая». Не хочу, чтоб она или еще кто знал... И ты, Володя, не знай, забудь. Забудь! — повторил строго, требовательно и почти в голос. — Забудешь?..

— Угу. — Больше я ничего не мог произнести — к горлу подступил ком, на глаза навернулись слезы...

Сделал ли Коля так? Не знаю, — он же не хотел, чтобы я знал, просил не знать, — но я отлично знал Колю и потому убежден: сделал!

Воистину добродетелен тот, кто не хлопчет о том, чтобы добрые дела его были обнародованы и имя его славилось.

1994

МАША ПЛАКАЛА

Было это в начале шестидесятых в городе Осинники. Третьеклассников принимали в пионеры. Приняли всех, даже Олега Самусенко, а Машу Новоселову не приняли. Девочка горько плакала.

Я хорошо знал Машу. Всю большую семью Новоселовых знал. На зарплату отца, токаря, было не прожить. Выручал огород. Выращивали разные овощи и продавали на базаре. Старшие ребята подносили, мать торговала. А Маша помогала ей. Однажды мать отлучилась в магазин за продуктами, Маша осталась за нее продавать огурцы: рубль за кучку. И случилось, что в это самое время по базару шла Машина учительница. Увидела за прилавком Новоселову, нахмурилась, покачала удивленно головой и пошла дальше — ничего не сказала.

Но ничего учительница и не забыла. Когда обсуждали, достойна или не достойна Новоселова быть пионеркой, учительница сказала:

— Считаю, не достойна. Учится примерно, но торгует на базаре огурцами. Разве можно быть одновременно пионеркой и базарной торговкой? Пусть исправится...

Тогда Маша и заплакала. Ведь получалось, что она хуже даже Олега Самусенко.

Олега я тоже знал. Еще в первом классе отличился тем, что украл у технички десять рублей. Его, можно сказать, за руку поймали, а он бессовестно говорил, что нашел. Бессовестный был. И хитрун большой. И лентяй. Учился с тройки на двойку, говорил, что когда он пишет или читает, у него болит голова. В третьем классе стал одалживать школьникам деньги. Но не просто так. Скажем, одалживал рубль, а отдавать ему должны были рубль двадцать. Его водили к директору и отчитывали. Он сказал: «Больше не буду. Честное-пречестное слово!»

Когда Олега принимали в пионеры, учительница сказала:

— По поведению Самусенко исправился, но учиться пока слабо. Две двойки за четверть.

— Исправлюсь! — пылко заверил Олег. — Честное-пречестное!..

— Класс тебе верит, Самусенко, — сказала учительница. — Не подведи.

И его приняли. И он давал торжественное обещание, что будет жить так, как завещал Ленин, как учит Коммунистическая партия. А сам, как и раньше, одалживал деньги и требовал за каждый рубль уже по тридцать копеек — десятник за риск набавил.

А Машу прозвали в классе Торговкой. И она часто втихомолку плакала...

Сейчас Маша Новоселова живет в том же городе, что и я. Изредка перезваниваемся, бывает, видимся. Работает Маша швеей на фабрике. Прозвище ее, Торговка, осталось там, в Осинниках. Здесь ее одарили новым — Староверка — за то, что не разуверилась ни в людях, ни в порядочности их, что от работы не отлынивает, не халтурит, не хитрит, что с ученицами возится, как с родными дочками, хотя ее никто не заставляет, что ни лоскутка, ни нитки не унесет домой, что цветы в цехе развела. Кто же Новоселова, как не Староверка? Маша над своим прозвищем смеется, однако смех ее горький.

На днях я позвонил ей:

— Читала, Маша?

— Как же, всей семьей читали, — обреченно вздохнула. — Как так можно-то?..

В одной газете была напечатана статья о проделках коммерческой фирмы «Медиана». Ее деятели ходили по заводам и фабрикам: «Женские, французского производства сапожки, вот такие — показывали образцы — надо?» Сапожки были загляденье, цена вполне приемлемая, срок поставки — месяц. Женщины теряли головы и раскошались... Прошел месяц, прошел другой, сапожек не было. А там выяснилось, что и «Медианы» уже нет, и глава ее,

Олег Самусенко, как сквозь землю провалился вместе с двенадцатью миллионами рублей, собранными под французскую обувь. Обнаружился Самусенко аж в Петрозаводске, где в качестве главы фирмы «Психея» собирал с доверчивых мам деньги под закупку импортной детской одежды... Недавно над Олегом и его сотоварищами был суд. В своем последнем слове Самусенко говорил: «Граждане судьбы! Я все осознал и больше не буду — честное-пречестное...»

— Как же так можно-то? — Маша на том конце провода не то вздохнула, не то всхлипнула.

ПРИБАВИТЕЛЬ ЧЕВОЛЬКИ

Павел Иванович Сидоров. Высокий, сухой, впалые щеки, взъерошенные волосы, кустистые, вскинувшиеся вверх брови, глубоко посаженные глаза, острый, насквозь тебя пронизывающий, приводящий в трепет взгляд. На шахте «Капитальной-1», которой он отдал всю свою сознательную жизнь, к нему относились по-разному. Но что личность эта неординарная — безусловно.

Институты Павел Иванович не кончал, всего лишь курсы ликбеза в начале тридцатых да школу ФЗО. Благодаря природному недюжинному уму, пытливости да кремниевому характеру постиг горную науку в совершенстве.

В первые дни войны с должности начальника добычного участка ушел на фронт. Через несколько месяцев получил приказ ехать домой, вернее, на шахту. Принял развалившийся участок. Осмелился — это в войну-то! — оставаться аж на трое суток. Трое суток не выходил из шахты... На четвертые участок перевыполнил план добычи.

Через какое-то время Сидорова перебрасывают на другой запущенный участок, потом на третий... «Где появляется Жуков, там начинается наступление». И будет истинной правдой сказать: где появлялся Сидоров, там начинался большой уголь. Во второй половине пятидесятых,

когда я работал на той же шахте, Павла Ивановича продолжали бросать с участка на участок.

О нем рассказывали легенды и разные байки. Вот одна характерная. Когда начальник шахты Лев Моисеевич Резников (кстати, тоже интересная личность, но совсем иного плана) подписывал приказ об очередном переводе Сидорова на захиревший участок, Павел Иванович на три дня исчезал с шахты. Это для того, чтобы дать возможность лентяям и халтурщикам убраться восвояси, а крепким, стоящим, но расслабившимся мужикам настроить себя «на работу жаркую, на дела хорошие».

Славный, немногословный дядя Петя Сапожников, с которым мы такелажничали, — а до этого он проработал много лет навалотбойщиком, бывало, поучал молодых: «Невмоготу уже или не хочешь работать — так ты невольки прибавь». Правило замечательное. Но оно для волевых да совестливых. А кто не обладает этими качествами? Таким прибавлял невольки волевой Павел Иванович. Подобные ему личности были в ту пору в цене, они вполне соответствовали жесткой правде, какая тогда была. И шел уголь...

1995

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Рабочие аристократы, разные знатные перевыполнители плана вслед за своими чиновными патронами напыщенно возвещали: мы-де строим нового, невиданной и неслыханной красоты и гармоничности рабочего человека, да уж, считай, построили, осталось только устранить последние шероховатости да бережно бархоткой пройтись. С таким упоением ввали самим себе, что даже сами верили.

А однажды рассказали мне случай.

У одного из отцов одного города было уже большенькое чадо по имени Степа, которое никак не могло сыскать

свой жизненный путь — все-то его не туда заносило. Родитель уже стал приходит в отчаяние, когда на городском слете передовиков услышал упоительное выступление бригадира ударной проходческой бригады о том, как он «из всяких отходов» делает «золотых работников». После слета отец города позвал к себе и взмолился:

— Пантелеевич, буду откровенным: боюсь я за судьбу своего Степки. Возьми его в бригаду и сделай из него что-нибудь путное. В долгу не останусь...

Пантелеевич, конечно, внял словам отца города, взял его непутевого Степку. И началась у него превеселенькая жизнь. Никакие уговоры на парня не действуют — бездельничает, насмешничает, пьет, прогуливает. Что с ним делать, ума не приложит делатель «золотых работников». На все случаи у него было одно-единственное, но безотказное воспитательное средство: матом да кулаком по окаянной шее разгильдяя. Но этот-то случай был особый — разгильдяй-то чьей крови? Применить свое за десятки лет испытанное средство — может статься, не рад будешь. И, как Степкин родитель, Пантелеевич уже стал входить в отчаяние, когда в бригаду пришел выпускник профтехучилища Володька — парень вполне самостоятельный, смысленный, знающий. Но — порядок! — надо прикрепить его к наставнику. К кому?

Напомню, наставничество у нас — как и все — красиво выглядело только на бумаге, особенно на газетной, а в действительности — фальшь, пускание пыли в глаза. Кто-то смехом возьми да и скажи:

— А прикрепить его к Степке-оболтусу.

Другие это приняли всерьез — по принципу: лишь бы не на меня легла эта нагрузка. А сам Пантелеевич подержал. Он рассудил: почувствовав себя малюсеньким начальником, может, остепенится, посерьезнеет хоть чуток оболтус.

— Берись, Степан.

Степан, поясничая

— Мерси за высокое доверие. Не подведу коллектив. Как Бог Адама, вылеплю тебя, Вовк, по своему образу и подобию. Значит, после смены ведешь меня, своего наставника, в пивбар. Немного пойму на что ты способен, немного понаставляю, потом... В общем, там видно будет. Идет?

— Конечно, — сказал Володька.

И они после смены пошли в пивбар. Посидели, поговорили. Потом пошли домой к Володьке, где у него было шесть пар голубей — с малых лет Володькина страсть. В тот же вечер он заразил ею и своего наставника. И стали они друзьями не разлей вода. Лепили один другого по образу и подобию порядочного человека.

Сейчас они оба инженеры.

А рассказал мне эту историйку Степан.

1995

ЧЕЗЕРОЯТЧОЕ СОВЛАДЕЧИЕ

В 1984-м, в самую пору трескуче-туманных крещенских морозов, в мое родное село Куздеево приехала телевизионная группа Кемеровского телевидения — а с ней и я — на заказанные Москвой съемки золотой свадьбы всеми почитаемых супругов Протасовых — Анастасии Григорьевны и Ивана Максимовича.

Председатель поссовета Антонина Афанасьевна Степанова — обаятельная женщина, большая умница, человек большого сердца — была рада и самому событию, и нашему приезду, но одновременно с этим испытывала душевную тяжесть: умерла Дуся-дурочка — безродная старуха. Жила она в самой слаженном на берегу Кондомы прибежище — полушалаше, полуземлянке. Жила чем Бог пошлет, терпя дерзости и издевательства как от ребятни, так и от взрослых. И вот умерла Дуся и второй день ле-

жит в морге, а средств, чтоб похоронить ее, у советской власти нету. А народ сердчат: как это нету-то?! А вот так — нету.

Толя, Анатолий Ксенофонович Антонов (ныне, замечу, тоже покойный), яркая неординарная личность, тонкая душа, занимал на телецентре высокие инженерные должности, но по причине «этого самого» спускался по служебной лесенке все ниже, ниже. В группе, приехавшей в Кузедеево, он был осветителем — изящным и виртуозным. Так вот, услышав печаль Антонины Афанасьевны, Толя дернул меня за рукав, показал глазами на дверь. Вышли.

— Володя, пойдем в винный магазин. — Прочитав в моих глазах укоризну, замотал крупной головой: — Не, не, не...

В винном, напротив церкви, было с дюжину мужиков, столпившихся у прилавка. Одни уже были «под градусом», другие нет. Прежде всего к этим последним и обратился, сняв шапку, трезвый, как стеклышко, Толя Антонов, на окающем ивановском наречии:

— Ребята, люди. Наверное все уже знаете, что Дуся... Старушка. Безродная. Блаженная. В конце концов тоже Божий человек... Берите, что надумали, и мы с Володей, вашим земляком, тоже возьмем — надо: вон какой лютой мороз. Затем возьмем лопаты, лом и выроем Дусе могилку. А женщины ее обмоют, обрядят. А какой-нибудь дедушка гробик сладит. А? Люди?

Это было произнесено просто и проникновенно. А мужики улыбались ему в глаза: откуда такой шут гороховый взялся?..

А мне в тот момент вдруг вспомнился Иван Алексеевич Бунин. Почему? Зачем?.. У него где-то есть о чем-то подобном. Потом, вернувшись домой, нашел. В «Жизни Арсеньева». В десятой главе первой книги. Нашел и был поражен: какое невероятное совпадение! Ровно сто лет назад, в 1884 году в Ельце, в жгучие крещенские морозы

замерзла «на паперти собора нищая дурочка Дуся, полвека шатавшаяся по городу, и город, всегда с величайшей беспощадностью над ней издевавшийся, вдруг закатил ей чуть не царские похороны». И кузедеевская Дуся сподобилась через полторы недели быть погребенной — усоветившись, сбросились по каким-то рублям руководители поселковых организаций. Есть разница! Да никакой! И в том, и в другом случае глумление уже не над личностью, а над памятью о личности.

Вот пришла мне, вроде не суеверному, суеверная мысль: а может, это не две Дуси, а одна, явленная Богом на землю дважды с интервалом в сто лет, дабы испытать, сколь прибавилось милосердия на Руси, самонареченной из гордыни Святой?

Как бы там ни было, но Господь от нас не в восторге.

1994

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

...Помнишь, Славка, анекдотец: русские на работе говорят о женщинах, дома с женой — о работе. В настоящую минуту я, ха-ха, не русский. Потому что сижу на работе и буду рассказывать тебе о ней, то есть о работе. Делать что-то ничего не хочется, так давай немного поплачусь тебе в жилетку.

Значит, дела мои идут ни шатко ни валко. По самой простой причине: работать некому — такой народец подобрался. Значит, кроме меня, зава — как ты знаешь! — в отделе еще пять человек. Сейчас я тебе каждого охарактеризую, и ты все поймешь.

Начну со Стрекалова. Откровенный лоботряс и прогульщик. Вот сегодня не нашел дорогу в контору, которая его худо-бедно, а кормит. Я б его давно в три шеи выпер, но шеф мой Игорь Макарович (рассказывал я тебе о нем при встречах) говорит: Стрекалова трогать не смей, он молодой специалист, на его стороне закон, который не

любит, когда его без особой надобности нарушают — греха не оберешься. Так что у тебя один путь — воспитывать. И еще раз воспитывать, Алик. (Шеф меня не Олегом Николаевичем, как уже все в конторе, называет, а все Аликом. В душе, Славка, злюсь. Но ведь шеф же так называет, поэтому делаю вид, что мне страшно нравится.) Ага, Стрекалова воспитаешь. Но не идти же против воли шефа (к тому ж, мне доподлинно известно, что Стрекалов — протеже шефовой жены). И вот воспитываю лоботряса — ласково журю, моральки почитываю.

Теперь про Уварову. Вот напротив меня сидит. Пень пнем. Ну ничегошеньки уже не соображает. Одно на уме — самой же придуманные болезни да экстрасенсы. На днях говорю ненавязчиво так шефу: трудновато, дескать, уже Ксении Федоровне... А он: «Христос терпел и нам велел. Давай, Алик, и мы потерпим. Ей до пенсии полтора года осталось. Это ж суший пустяк в сравнении с тем, что я ее терплю вот уже двадцать три года. Эх, Алик! Знаю, парень ты не из трепливых, поэтому скажу по секрету: с Ксюшей-то у меня такой ли романище был! Прямо «Война и мир»! О-о, стоила она того, стоила, Алик, чтобы и воевать за нее со многими и со многим мириться ради нее. Вот такой, Славка, шеф у меня! Восторгаюсь! И вот какая, Славка, мысль. Ни по возрасту, ни по чину мы не ровня с шефом, а вот, чего раньше не бывало, разоткровенничался передо мной. Почему?... Ой, Славка-а, веселит это мою душу. К тому ж моя жена сон видела: я и мой шеф на качеле качаемся. Сидим рядышком и качаемся... Жду чего-то. А поэтому — какая тут работа.

Но идем дальше. Телегин. Балабон из балабонов. И высшего класса потаскун. В отделе от него, как от козла молока. Шефу я — со смехом, конечно, — так и говорю. Шеф в ответ тоже смеется: «А нам, Алик, и не надо его молока. Проживем до ста и дальше на тех дефицитах, которые нам тесть Телегина регулярно поставляет...» Может, Славка, тоже слышишь: из коридора хохот доносится. Это Телегин рассказывает мужикам о своих вчерашних похождениях.

Следующий Харитонов. У этого не голова, а ЭВМ. Не он бы — всю контору, а не только мой отдел разгоняй. Но — одна беда... Сидит сейчас в своем углу и думает, если я пишу что-то, то вроде и не вижу ничего. Вижу. Полстакашка пропустил для тонуса и дальше трудится. Так с понедельника и до пятницы. Да и черт бы с ним. Но то в вытрезвитель залетит, то на чей-нибудь кулак налетит, то с женой скандалит. Со всех сторон телеги на него к нам катятся. А повоздействовать, Славк, никак на него нельзя. Даже шеф не может ему словечко поостроже сказать — ведь сразу же психанет и в любой кооператив уйдет. И нам — крышка. Так делаем вид, что все нормально, и молчим.

Ну и, наконец, Краснов. Этот — дурак. Понятно, не в прямом смысле, а в том, что очень совестливый. А так — умняга. Составил план реформы нашей конторы. Дельные вещи предлагает. Не бредовые. Но пострашнее бредовых. Если их принять и внедрить, то контора должна будет в поте лица хлеб свой зарабатывать. Конечно, хороший хлеб. Но, к примеру, в моем отделе — я тебе уже обо всех рассказал — кто способен в поте-то? И в других отделах то же самое... Шефу Краснов надоел уже со своим планом. Наверняка скоро скажет: «Готовь, Алик, компромат на нашего революционера»... И придется готовить. Это проще простого. Сидел бы, говорю, дурак, да и сидел, нет, ум свой показать надо...

Вот такая, Славка, у меня гвардия.

А теперь немного о делах семейных. В принципе, все у нас...

Славк, что-то шеф требует меня к себе. Подожди минут десять и я продолжу...

...Привет, Славка, продолжаю. Но не через десять минут, а через две недели. У меня большие перемены по службе. Теперь я уже не зав... В общем, если коротко, призвал меня тогда шеф и говорит: «Значит, сколько, уже четыре года, в завах сидишь, Олег Николаевич? Понима-

ешь? Впервые по имени-отчеству назвал. И я обо всем догадался. Видишь ли, шефова зама скоростижно забрали выше. Правда, карандаши чинить — на большее-то он не годится. Клетка на шахматной доске освободилась, и шеф на нее — меня. Зам я теперь, Славка. При сватовстве шеф сказал: «Воду вокруг меня ты, Олег Николаевич, не мутил, правду не искал, с реформаторскими планами не лез. Надеюсь, и впредь так будет...»

Точно, Славка, все так и будет. Зачем мутить, подсиживать — Игорь Макарович прекрасный во всех отношениях человек и руководитель, только вот... Славка, если ты мне друг, а не онуча, то — т-с-с!.. Моей жене лечащий врач Игоря Макаровича шепнула, что у шефа — беда-то, Славка, какая! — рак двенадцатиперстной кишки. К тому ж в безнадежной стадии. А ему без трех месяцев семьдесят. Жалко!..

Ну, ладно, главное я тебе сообщил и закругляюсь. Тут от телегинского тестя мой персональный посланец пришел, — ха-ха! — так что некогда.

Привет семье.

Пиши.

1991

СТРАШНО

Во дворе пятиэтажки, у второго подъезда, милицеевская машина — обворовали квартиру. В окружении жильцов и прохожих молоденький, тонколицый лейтенант. Женщина лет пятидесяти, тучная, густоголосая, называвшаяся Бояркиной, напористо убеждает лейтенанта:

— Да он это, он. Его рук дело. В нашем вон, в первом подъезде, не вышло — он во второй. Ему какая разница, кого грабить. — И рассказывает уже в третий раз: — Говорю, около одиннадцати часов утра спускаюсь с мусорным ведром со своего пятого этажа, а он, басурманище, дверь Карасевых — прямо, говорю, под нами живут —

обглядывает да обшаривает своими лапами — смекает, как ловчее ломать. А дверь-то у Анатолия новая — недели три как поставил — железная, изукрашенная — богатая дверь. Значит, и хозяева богатые, рассудил ворюга. Увидел меня и хоть бы тебе бровью повел. Повернулся и вразвалочку вниз по ступенькам. Во, какие они сегодня, сволочи: ничегошеньки не боятся, чтоб их родимец хватил. Так вот, значит, он из нашего подъезда — напрямик в следующий. И поживился.

— Говорите, в голубой куртке был? — спрашивает лейтенант.

— В голубой, — кивает Бояркина. — На кнопки застегивается.

— А вы говорите в сером свитере? — оборачивается лейтенант к суховатой старухе Паниной, которая, говорит, своими глазами видела, как около полудня из второго подъезда вышел незнакомый парень с двумя большими сумками, набитыми разным добром. Она, Панина, и тревогу подняла.

— Ага, в серой. В свитере.

— Да что он, дурак, что ли? — пылко возражает Бояркина старухе Паниной. — Куртку снял да в сумку закинул — вот тебе уже и в свитере.

Панина пропускает это возражение мимо ушей. Продолжает:

— И в плечах широкий такой. А росту невысокого, говорю. Ты ж сказываешь, — смотрит на Бояркину, — с коломенскую версту.

Бояркина опять ревностно возражает:

— Так сумки-то книзу тянут — осадил. — И лейтенанту: — Да он это был, он! Даже не сомневайтесь.

Старуха невозмутимо продолжает:

— Еще ты сказывала, мол чернявый. А у этого волосы были рыжие.

Бояркина нервничает, подается грудью на Панину:

— Тетя Груня! Тебе уже сколько годов?.. В пол-уха

слышишь, в пол-глаза видишь, — туда же: рыжий... Говорю, он это был!.. — Вдруг Бояркина в страхе вытягивается, глаза ее округляются, нижняя челюсть отвисает. Дернув украдкой лейтенанта за рукав, шепчет: — Да вот же он, — указывает глазами на высокого, черноволосого парня в голубой куртке на кнопках, который вышел из подкатившего к первому подъезду такси. — Он самый. Батьюшки-и-и, — прикрывает ладошкой рот.

— Гражданин! — окликает лейтенант парня. — На минуточку можно вас?

— Пожалуйста.

— Лейтенант Воронин. Разрешите ваши документы.

— Пожалуйста.

Выяснилось: Сергей Александрович Карасев. Приехал из Омска в гости к брату Анатолию Карасеву. Брата дома не оказалось. Осмотрел, ощутил его новую красивую дверь — такую же надо себе поставить, поехал к Анатолию на работу, взял ключ и вот вернулся...

Бояркина была обескуражена. Это понятно. Но она была еще и раздосадована, что рассыпалась в прах ее версия, — такая правдоподобная, стройная, логичная. Где-то глубоко в душе, в потаенном её уголке был протест, бунт: ну зачем он брат Анатолия Карасева, а не ворюга. Его б сейчас скрутили и засадили, хоть он и не рыжий. Зато одной сволочью, которыми кишит жизнь, было б меньше...

А знаете, я эту Бояркину отлично понимаю. Так понимаю, что мне становится страшно...

1994

Александр КРЕКОВ

* * *

Есть формула любви, как будто нам понятной,
Есть светлый день, зовущий жить и петь.
Есть милый край, широкий, необъятный,
И миг, когда дано нам умереть.
Есть много благ на этом белом свете,
Но благо вспыхнуть яркою звездой
Дано лишь настоящему поэту,
Который озарит и нас с тобой...

Николай ЖИГУНОВ

СТРОФЫ

На ветках стылых черемух
Сороки, нахохлясь, сидят,
А снег пролетает мимо,
А ветер качает...
И чудится шорох
Сухого ли дягиля,
Веток ли голых?
Но спереди шорох
И шорох сзади...
На ветках сидят птицы,
А снег пролетает мимо,
А ветер качает...
А шорох, как часовая мина,
В сердце тревогу нагнетает.
А может, там, за шорохом,
Жизни тупик?
И кто-то, немощный пока,
Копошится, набирает силу?
Раскрою я окна

:

И — ветру на спину!
В весне растворюсь
И с лучами сольюсь...
И молодости сила
Играет со мною.
И, верю, так будет,
Так будет всегда,
Лишь бы вечно вращалась
Родная звезда!

У КОЧИДОМЫ

В густом околке черемух,
Как с зайчишки слинявшего пух,
Белеет снег.
Земля сыра. Река ворчит.
Играет. Торопится снести свои воды
В неведомую даль.
Довольна.
Горда.
В ней теперь воды больше
В десять раз, чем в летнюю пору:
Выровнялась с берегами,
Местами подмяла их под себя,
Затопила корни прибрежных деревьев...
На землю опускается вечерний сумрак.
Облака не видны, а редкий дождь моросит...
Поют синицы.
Зеленеет морковник.
Слышно — домашние гусаки
Обхаживают гусынь...
Плывут по реке одинокие льдины,
Потерянные в ледоход

Где-то в верховье реки.
Несут на себе мусор, коряги, палки.
Эти льдины похожи
На диковинных, страшных зверей.
Они ломают, корежат
Все на своем пути...
Не прыгнуть ли
На могучую льдину?
Посмотрю на стремнине
Я смерти в глаза...

* * *

Я в распахнутой шубе
Выхожу на крыльцо.
О таежные зубья
Месяц чистит лицо.
Бах — в словую молодь,
В блески крохотных звезд...
Эхо чуткое в холод
Разнеслось на сто верст.

* * *

Ты для меня, как луг —
Душистый, весенний в цветах.
Ты для меня, как песня
Жаворонка в поднебесье.
Мне ли тебя не ценить,
Мне ли тебе изменить?
Мне ли на что-то менять?..
Как ты не можешь понять!

* * *

Расцвела талина,
Вся белым-бела,
И трава у тына
Тоже ожила...
Почему ты, лес,
Глуловато светел?
Ждал, чудак, чудес —
Осень не заметил.

Владимир КУРОПАТОВ

В КРУГУ ЗАБОТ, В КРУГУ ЛЮДЕЙ.

Очерк

Героем моего рассказа будет Михаил Михайлович Маслов — глава администрации города Осинники. А до этого он был заместителем главы, а перед тем председателем поссовета в Малиновке, а еще раньше директором музыкальной школы в этом же поселке. А до того закончил Кемеровский институт культуры, а еще раньше — Мариинское педучилище. Третий диплом, юриста, получил нынче — в год своего пятидесятилетия. Появился на свет в селе Колба Тисульского района в многодетной крестьянской семье. У самого сегодня две дочери и сын. Жена преподает математику.

Наше знакомство с Михаилом Михайловичем состоялось лет пятнадцать назад, когда он и тогдашний директор шахты «Алардинская» Александр Иванович Шундулиди начинали в Малиновке знаменитые эстетические субботы. Невысокий, ладно сложен, интеллигентное — я бы сказал, природно интеллигентное — лицо, теплый, спо-

койный и по-юношески застенчивый взгляд. На подбородке, обратил внимание, ямка — признак сильного, целеустремленного характера, существует в народе мнение.

Попервости, когда Маслов занялся хозяйственной работой, слышались — да и сейчас иногда слышатся — суждения не только обывателей, а и серьезных мужей:

— Белая косточка. Музыкант. Что он знает, кроме нот. Ну, займется культурой. А в остальном-то он что смылит. Потыкается-помыкается, запьет да и сойдет с круга.

Все эти годы я следил за карьерой Маслова в основном издали. Иногда встречались, беседовали, бывали на новостройках, в коллективах. А во второй половине нынешнего сентября я провел на колесах вместе с осинниковским мэром целых полторы недели. Где только не побывали, в каких только ситуациях не наблюдал его, чего только не слышал о нем, о чем только мы с ним не говорили. Не оправдались пророчества скептиков. В кругу Маслов. Постоянно в кругу людей, в кругу неизбежных забот и проблем. И обо всем осведомлен, обо всем имеет свое суждение, со специалистами говорит на их языке, потому что:

— Еще когда стал председателем Малиновского поссовета, на другой же день переобулся в сапоги и пошел изучать всё относящееся к водопроводу — вентили, заглушки, переходники, резьбы... И строительное дело освоил, и дорожное... да все, с чем приходилось сталкиваться, то и осваивал. Не такие уж всё это премудрости — была бы воля.

Воли Маслову не занимать. Так что верное народное мнение насчет ямки. На подбородке-то.

* * *

Один из первых руководителей шахты «Капитальная» в разговоре с мэром поставил с мягким дружеским укором вопрос:

— А что сделала горадминистрация для того, чтобы мы, горняки, работали ритмично?

— А разве вы, — удивился Маслов, — сами не видите, не ощущаете?

Собеседник недоуменно посмотрел ему в глаза.

Тогда мэр тоже с дружественной мягкостью произнес перед ним, так сказать, отчетный монолог.

Все городские и поселковые котельные — а их около двух десятков, — подготовлены к отопительному сезону. Подготовлены лучше, чем в прошлом, более благоприятном в финансовом отношении году. Наконец-то введена в эксплуатацию вторая нитка водовода от водозабора № 1 на поселок Малиновка, где теперь проблема водоснабжения решена окончательно. Регулярность движения пассажирских автобусов хорошая, открыты новые маршруты. Осинниковский трамвай уже сегодня входит в десятку лучших трамваев в стране. Гордимся. Но не успокаиваемся на этом, обновляем вагонный парк, реконструируем депо: внедряем автоматику. Осветили трамвайный путь, а поскольку он идет вдоль центральной дороги, то освещена и дорога — убили двух зайцев. Сдано три моста. Благодаря тому, что удалось-таки через областной дорожный фонд получить современнейшую немецкую технику фирмы «Виртген», хорошо отремонтированы дороги, построено несколько новых, в том числе и дорога по левому берегу Кондомы до Ашмарино, которая, во-первых, на тридцать километров сокращает путь до Новокузнецка, во-вторых, на левом берегу уже в ближайшее время станет разворачиваться коттеджное строительство: участки по 20-30 соток — чтоб сад, огород, все надворные постройки, все удобства и вокруг чудная природа. Дальше: все школы к началу года отремонтированы, отремонтированы детские садики. Сдан в эксплуатацию новый, хорошо оснащенный роддом с разными вспомогательными службами (гараж для «скорой», овощехранилище и прочее), тут же, под одной крышей с роддомом и женская консультация. Городской загс из комнатенки с двух окнах переехал в новое, достойное молодых людей помещение. Не за горами день, когда будет пущена новая АТС,

десять тысяч ее номеров закроют все заявки на установку телефонов. На берегу Кондомы построен пляж, это на нем проводилось в августе массовое крещение взрослых и детей. Кстати, охорашивается церковь в районе шахты «Капитальной», строится новая на поселке Малиновка. Еще недавно челноки торговали кому где нравилось, замусоривали улицы. Теперь под базар отдана большая, благоустроенная площадь — и торговцам теперь хорошо и удобно, и покупателям, которые могут сделать здесь сразу все покупки, притом по ценам ниже, чем в муниципальных магазинах. Ну и, наконец, капитально ремонтируется жилье. Строится новое. При городской казне, которая так бедна, что можно назвать пустой, в нынешнем году будет сдано не менее 15,5 тысячи квадратных метров жилой площади, то есть как и в прошлом году. Таким образом, каждый горожанин, а не только горняки «Капитальной», в этом году кто больше, кто меньше, кто совсем чуть-чуть, но стали обеспеченнее, устроеннее, счастливее. Живите, любите, женитесь, рожайте детей, отдыхайте, развлекайтесь, общайтесь, молитесь Богу и производительнее трудитесь на свое и общее благо.

Переведа дух после такого монолога, глава города глаза в глаза задал собеседнику свой вопрос:

— А теперь хочу услышать, какую помощь оказали вы, руководители шахты, горадминистрации в осуществлении того, что мной перечислено?

— ...

— Вот то-то ж. Успокоить вашу совесть могу лишь тем, что за исключением разреза «Осинниковский», другие угольные предприятия тоже не перечисляют налогов в городской бюджет. И несмотря на это, мы исхитряемся что-то делать по всем бытовым и социальным программам.

Вот такой случай рассказал мне Михаил Михайлович.

Подтверждаю: все так, все перечисленное в монологе-отчете мэра и еще многое другое я видел собственными

глазами и не переставал удивляться: как, за счет чего это удастся при таком безденежье?

Мне отвечали.

Главврач роддома Людмила Николаевна Печурина:

— Михаил Михайлович вексель дал, и вот мы имеем необходимейший аппарат — кардиомонитор.

Директор муниципального предприятия «Водоканал» Дмитрий Степанович Косинов:

— ...Докладываю второго сентября мэру: чтобы город вошел в зиму с водой и теплом, срочно нужна дополнительная ссуда. Мэр обратился в банк. Не отказали, но — нужен инвестор, то есть гарант. В этой роли выступил директор шахты «Аларда» Петр Петрович Дочев, большое ему спасибо... А в повседневностях за счет бартера выворачиваемся. То муки для рабочих раздобудем, то еще чего. Зарплату-то люди уже пять месяцев не получают, терпение их на волоске держится.

Генеральный директор дорожного ремонтно-строительного управления Виктор Августович Цимфер:

— Деньги у нас есть, заработаны, но — денег нет. Спасибо, мэр помогает выкручиваться. И еще очень хорошо то, что мы, все муниципальные службы, одной семьей живем, выручаем друг друга.

Михаил Михайлович Маслов:

— Разные пути и способы находим, чтобы дела двигать. Вот, например, на контрактной с «Росуглем» основе выполнили двухгодичную программу строительства жилья (триста квартир) для тех, кто жил в подработанных и других опасных зонах. Или такую форму используем: берем в областном жилищном фонде ссуды, даем их бюджетникам. Какую-то сумму они гасят сразу, остальное — в рассрочку на десять лет. Способ долевого участия (скалчину) используем при строительстве жилья. Кое-что получается. Получалось бы гораздо лучше, если бы город имел свои — надежные, живые — деньги... Но неуплата налогов по эгоистическим соображениям душит выполне-

ние всех наших программ, выгодных, между прочим, и эгоистам-неплательщикам.

Беда всех нас в том, что никак не можем вырваться из плена прежних представлений о власти. Было: первый секретарь — абсолютный правитель в городе. В его руках и промышленность, и быт, и культура, и спорт, и идеология. Сам он был, конечно, промышленником, как правило, представителем той отрасли, которая преобладала в городе. Первой заботой первого было выколачивание плана из производителей, а эти всеми способами выжимали из первого ресурсы под план. Так и сосуществовали. (Кстати, в этом-то и коренится убежденность: гуманитарий не может быть первым руководителем в городе). По инерции мышления производители хотели бы и сегодня пребывать под опекой отца города. Однако в жизни все переменялось. Меж производителями и властью могут быть только партнерские отношения: первые производят продукцию, сбывают ее, развиваются сами и исправно платят налоги в казну, а власть на налоговые средства развивает нужное производителям и вообще всем гражданам городское хозяйство, бюджетную и социальную сферы. Так считает Маслов. Впрочем, так живет весь цивилизованный мир. К этому должны будем прийти и мы. А пока что над шахтой «Высокая» нависла реальная угроза закрытия. Могут остаться без работы многие сотни людей, следовательно, прийти в упадок вся социальная сфера шахтового поселка. А потому М.М. Маслов вступил в битву за спасение одного из крупнейших предприятий города.

* * *

Это воистину стариковская идиллия.

Небольшой, но и не такой уж маленький зал. Уютный, праздничный. Богатая мебель, красивые ковры на полу, красивые шторы. Дорогой японский телевизор, видеоманитофон, библиотечка, стаканы с напитком на подносе... Диваны поставлены так, что образуют разомкнутый четы-

рехугольник. На них бабушки. Кто вяжет, кто сматывает нитки в клубок, у кого раскрытая книга на коленях. Ведут неспешный разговор за жизнь.

— Ну и какая она здесь, жизнь-то ваша?

Разноголосым, восторженно-веселым хором:

— Ой, хорошая! И не мечтали о такой! Теперь и помирять не хочется! Спасибо! Дай Бог здоровья властям нашим...

Когда угомонились, продолжала говорить от имени всех симпатичная, интеллигентного вида (как выяснилось, в прошлом учительница), не без чувства юмора бабушка Галина Захаровна Терехина:

— И что бы вам раньше-то не подъехать. Мы тут молодые годы вспоминали, вальс танцевали, а кавалеров раз два да обчелся, но и те поминутно на улицу курить выбегают... Вот как, мы тут и танцуем — правда, одышка берет, но ничего, — и песни свои, старинные, слушаем, и сами поем. Кто притомится, кто вздремнуть захочет — пожалуйста, есть комната отдыха: кровати, свеженькое постельное белье. Отдохнула — и опять в компанию... — рассказывает Галина Захаровна и быстро-быстро работает спицами. — Многие из нас друг с дружкой раньше и знакомы-то не были — как-никак поселок наш большой — здесь познакомились и сдружились, породнились даже. Беды вместе переживаем. Душой тут воспрянули, дни наши солнечней стали, хотя за окном вон все дождь да хмарь... — Рассказывает, вяжет и нет-нет да и взглянет украдкой на туфли мэра. — И вязать до этого мы не все умели. Тут выучились — по книжкам. Чему научимся — домой приходим, внушкам передаем... А знаете, когда дома одна останешься, так стены гнетут. А здесь хорошо. И кормят, не жалуемся, хорошо, привечают любезно. О здоровье справляются. Если недомогаешь — полечат. Врач внимательная. Еще культмассовик у нас хороший. А вяжем-то мы тапочки — детям приюта, что в нашем же поселке. — Подалась к моему уху: — Хочу вот мэру нашему хорошие,

теплые тапочки комнатные связать, придет со службы и наденет их, — проговорила это, не очень-то заботясь, чтобы мэр и все другие не расслышали.

Расслышали. Заемялись.

— Я вот вам шерсти как-нибудь привезу, — сказал мэр.

— Мы тут до половины четвертого и — домой. А утром скорее, чуть не рысью, опять сюда, — заключила Галина Захаровна и откровенно, и пристально посмотрела на туфли мэра...

Этот идиллический уголок называется отделением дневного пребывания пожилых людей. Относится к городскому центру соцпомощи. Находится на поселке Высоком. История его возникновения такова. На краю поселка семь лет стоял безнадзорный особнячок. Домовитые хозяева уже растащили все, что можно было, когда этот особнячок заметил начальник управления социальной защиты Валерий Капитонович Шипунов и велел поставить на оконные и дверные проемы решетки — авось на что-нибудь сгодится. А вскоре и мысль родилась: устроить место для общения стариков. Началась реконструкция. Затрачено было под 400 миллионов рублей. Что получилось — видим.

Еще одно такое отделение будет в самом городе — при новом центре соцпомощи, который сейчас оборудуется и в котором предусматривается оказание десятков самых разных услуг для малообеспеченных, одиноких пенсионеров, инвалидов, вдов, реабилитированных, ветеранов войны и тыла, многодетных семей — да для всех нуждающихся. Здесь будет столовая, швейный цех, магазин, служба срочной помощи, парикмахерская... Отсюда будет исходить и помощь на дому: побелка, стирка, уборка урожая, ремонт домов и надворных построек, подвоз топлива...

Тут надо внести ясность: центр соцпомощи работает уже давно, просто для него оборудуется новое помещение, где качество услуг значительно повысится. Отделения центра открыты в поселках Сарбале и Малиновке.

Передо мной лежит бумага: «Сведения об оказании социальной помощи населению за 9 месяцев 1996 года». В ней все расписано подробнейшим образом. Назову лишь суммарную цифру: 892 миллиона 475 тысяч рублей — столько затрачено центром соцзащиты на те десятки услуг. К концу года эта цифра наверняка перевалит за миллиард. Судите сами, много это или мало, если — для сведения — годовой бюджет города составляет 145 миллиардов рублей.

И это еще не вся помощь, не все внимание к пожилым. У горадминистрации есть особая комплексная программа «Ветеран-96», которая предусматривает разные услуги, чаще всего бесплатные — бесплатное курортно-санаторное лечение, бесплатное выделение автомашин, инвалидных колясок, бесплатная выдача лекарств, бесплатное протезирование зубов, бесплатный проезд на транспорте. Некоторые услуги платные, но стопроцентно компенсируемые, иные с пятидесятипроцентной скидкой. Программа «Ветеран-96» обойдется городской казне примерно в четыре миллиарда рублей.

И еще не все. Для ветеранов строится 72-квартирный дом. Совету ветеранов войны и труда предоставлено отремонтированное помещение, в котором созданы все необходимые условия для общения. Со временем будет поставлен телефон.

А теперь об очень волнующем и трогательном. Долго вынашивал Михаил Михайлович эту идею, колебался, сомневался, наконец, решился: учредил единственно возможную привилегию для тех, кто ушел на Великую Отечественную и не вернулся, привилегию остаться навсегда в памяти земляков. К 50-летию Победы на улице Победы поздвигнуто 14 стел. На них 2049 имен, отлитых в металле. Этот впечатляющий мемориальный ансамбль назван Аллеей памяти. И теперь седая вдова героя, сын, дочь, брат, внук может подойти к дорогому сердцу имени, положить цветы и сказать: «Ты с нами, мы — с тобой...»

Однажды Михаил Михайлович в раздумчивости:

— Люблю и по-хорошему жалею наших стариков. Им выпала особая судьба. Они делали революцию, строили социализм и надеялись на лучшую долю, потом защищали Отечество, возрождали его из руин и продолжали надеяться, строили коммунизм, делали перестройку и все надеялись, надеялись. Но так их надежды и не сбылись. Всегда хочется чем-то помочь им, сделать что-то приятное, утешить, ободрить... В силу возможностей делаю это — ведь они наша слава и гордость, наше прошлое...

* * *

Слова, сказанные М.М.Масловым в другой раз:

— Люблю детей, юношество. Они наше будущее, которое станет тем счастливее, чем мы больше дадим им сегодня, больше вложим в их души...

На том же поселке Высоком... Впрочем, это обиходное название, а официальное — Тайжина. Так вот в Тайжине, в стороне от всяких шумов, в живописном распадке был шахтовый детский садик, но — ликвидировался. Горадминистрация прибрала здание к рукам, подремонтировала и открыла детский приют. Сегодня в нем два десятка мальчиков и девочек. Хорошенькие, веселые. Это, кстати, для них вяжут бабушки комнатные тапочки в своем идилическом уголке. Чужие бабушки. А чужие мамы их обихаживают, ласкают, целуют и рассказывают перед сном сказки. Детям здесь хорошо. Это их нареченным мамам трудно — несмотря на помощь администрации города, много еще материальных и иных проблем. А тем временем родные папы-мамы ребятишек бездельничают, пьянствуют, распутствуют. Их вина перед собственными детьми неизгладима... Но: и на том обществе, на той системе, которая воспитала таких родителей, лежит неизгладимая вина перед этими родителями. Что в них было вложено? Одни язвящие душу, трескучие лозунги да глупые мудрости вроде «экономика должна быть экономной».

Помню, летом девяносто второго М.М.Маслов, бывший в ту пору заместителем главы горадминистрации, рассуждал:

— Нет, экономика должна быть нравственной. Сделать ее таковой по силам только грамотному, воспитанному, то есть нравственному человеку. Нравственный же человек формируется путем приобщения ко всему, что есть в мире прекрасного, умного. По такой логической схеме в начале восьмидесятых родились Малиновские эстетические субботы.

Перейдя на работу в горадминистрацию, Маслов уже в масштабе всего города занялся систематическим, целенаправленным приобщением юношества к культуре, искусству — организовывал клубы по интересам, кружки, ремонтировал клубы, развивал художественную самодеятельность, открывал новые музыкальные школы и их филиалы, школы искусств...

Два года назад по инициативе главы города была разработана программа духовного возрождения осинниковцев. В рамках этой программы открыт выставочный зал, в котором демонстрируют свои картины художники, а их в городе три десятка. Идет к концу реставрация ДК «Октябрь» — уже поднялись амфитеатром кресла, установлена современная светотехника, заканчивается монтаж вращающейся сцены. Народный театр, готовясь к дню открытия ДК, завершает постановку не чего-нибудь, а шекспировского «Гамлета». Центр эстетического воспитания, в котором работают вдохновенные, знающие специалисты, пропагандирует русскую классическую живопись...

Одно из главных звеньев программы возрождения духовности — углубленное изучение предметов художественно-эстетического цикла в школах.

Рассказывают, было время, школа № 16 выглядела снаружи большим угрюмым сараем. И вот строители РСУ облагородили ее внешность, все, что им положено, сделали внутри, а потом уже принялись за дело местные худо-

жники — сделали резные двери, рекреацию первого этажа расписали мотивами из русских народных сказок. Второй этаж — картинная галерея. Вывешено тридцать полотен — все это дары местных авторов. И есть фонд — пока небольшой. Вот что обращает на себя внимание: всюду какая-то пронзительная чистота — как в храме. И такая деталь: нынешним летом при ремонте стенные панели не красили — не было нужды: нигде ни царапины, ни грязного пятна, ни тем более грязной надписи — белоснежные, блестящие. Как же иначе, эта школа и есть храм, храм искусств. Здесь приобщаются к прекрасному в четырех эстетических классах: хореографическом, живописи, театра, хорового пения. Директор школы Анна Богдановна Ключева говорит, что ученики меняются, их облагораживает в школе все: и картины, и стены, и сама атмосфера.

Я изъявил желание поговорить со старшеклассниками. Говорили. Час, полтора ли — не знаю, время не замечалось, закругляться не хотелось обеим сторонам. Речь вели о жизни, но через литературу. В том, что сейчас скажу, нет парадокса: чтобы что-то узнать, необходимо уже что-то знать. Так вот, во всех вопросах моих собеседников обнаруживалось знание. И — что тоже очень ценно — было много любопытства. И много так возвышающего и украшающего человека достоинства...

У нас не только школы, а весь город с эстетическим уклоном, даже базар... Сейчас не могу вспомнить, где и кто из осинниковцев походя произнес эту фразу. Да важно ли кто, важно, что эти слова — правда. Эстетика проникает в Осинниках всюду — и в оформление зала бракосочетания, и в архитектуру строящихся коттеджей, и в убранство улиц, фасадов домов. Начальник управления жилищно-коммунального хозяйства Раиса Федоровна Пивень показывала в доме № 17 по улице 50 лет Октября образцовый подъезд — эстетика. А у генерального директора дорожного ремонтно-строительного управления Виктора Августовича Цимфера грузовики въезжают в гараж мытые, поблескивающие лаком, поблизости от гаража —

громадная цветочная клумба. Молодой симпатичный инженер Олег Романов внедряет производственную эстетику в котельной № 16. Да и на базаре эстетика: все размечено, все по струночке, разноцветные палатки. А в дни городских торжеств на базарной площади даются концерты. Словом, город все больше заражается красотой, которая имеет свойство спасать мир и человека в нем.

* * *

А теперь, так сказать, выбранные места из разговоров с М.М.Масловым.

— Руководителями не рождаются. Ими, при необходимых задатках, становятся. Вы, Михаил Михайлович, набив немало шишек, стали руководителем...

— Нет. Все становлюсь. Процесс этот бесконечный. Значит, и шишек со всех сторон будет еще много, хотя кажется, что на голове уже и места нет живого.

— Были, есть у вас руководители-маяки, под которыми вы себя чистите?

— И были, и есть. К примеру, хорошо вами знаемый Александр Иванович Шундулиди. Человек громадного ума, таланта и мужества. Очень много он сделал для Малиновки, для людей. Чем брал? Не распылялся по мелочам, не латал дырки, а решал проблему целиком, глобально. Вот это воспитываю в себе.

— А среди глав городов нашей области кто вам больше симпатичен?

— Владимир Васильевич Михайлов. Умный, деловой, немногословный. Когда нас, бывает, собирают всех, и начинается какая-нибудь дискуссия, многие призывно поглядывают в его сторону, дескать, поднимитесь, скажите свое мнение. Авторитет! Дурные люди его очень не любят. Умные — с пиететом относятся... Вы же о нем писали.

— И те дни были для меня самыми счастливыми в последние годы. А кто из людей, так скажем, вселенского масштаба является вашим кумиром?

— Столыпин. Он знал как и мог вывести Россию в число передовых держав, но, к сожалению, не дали. Могу-чая была личность.

— Мне нравится, как вы разговариваете с людьми во время наших поездок, — как со старыми добрыми знакомцами, хотя многих видите впервые. И люди с вами так же. И течет меж вами ладная, душевная беседа. Приятно наблюдать. А в вашем рабочем кабинете, куда никто не идет просто так, а всё с нуждой, бедой, возмущением, как это происходит?

— С образованными людьми говорить легко, они хорошо понимают, какие проблемы от чего зависят, и мы беседуем в атмосфере исповедальности. А есть такие посетители, которые ничего не хотят понимать, им — дай! и все тут, будто глава администрации волшебник, способный из воздуха сотворить дом. Или призывают — сейчас же! — пойти разобраться с соседом, который не такой высоты забор на меже поставил... То есть такта бывает маловато и рассудительности. Но чуть поменьше бы эгоизма.

— Кстати, Михаил Михайлович, я внимательно изучил весь длинный перечень наказов избирателей, которые вы получили от горожан, баллотирываясь в депутаты областного Законодательного собрания. Там есть такие мелкие, пустячные указы, что...

— Не согласен. Там нет пустячных наказов.

— Ну как же. Например: нет на двери таблички с порядком работы такого-то учреждения. Это ж в рабочем порядке можно решить.

— Помню этот наказ. Он именно так, в рабочем порядке, и был решен. Но я не мог его отвергнуть. Это вам он кажется пустячным, вы в то учреждение не ходите. А человек ходит. И отсутствие таблички рушит его план дня, для него это важно. Значит, должно быть важно и для главы города, если он взялся служить людям. Раз зашла речь о наказах, то многие уже выполнены, многие в стадии выполнения, а иные, к сожалению, могут быть выполнены только через годы, но ни один не будет забыт.

— Какие черты в людях не приемлете?

— Подхалимаж, лицемерие, ложь.

— Один руководитель, которого мы оба хорошо знаем, как-то, еще в самом начале своей карьеры, сказал мне с печальным вздохом: «Подпевал вокруг меня много, соратников мало». А как у вас?

— Сегодня трудно подобрать преданную делу, с единой волей команду соратников. У нас ведь — во всей России — нет сейчас никакой кадровой политики. А у коммунистов была. Подбирали людей, растили. По каким критериям подбирали — это другой вопрос, но о кадрах они заботились. Нам этого не хватает. А потому в нашей администрации всякие люди. Есть знающие, надежные, толковые, есть трудяги, честнюги, но могущие неосознанно допустить серьезную ошибку. Ведь в нашей работе много своих особенностей, специфики. Скажем, специалист отлично зарекомендовал себя на производстве, а придет сюда — не получается у него. Тут надо подняться на высоту птичьего полета и видеть всю картину городской жизни, совокупие и взаимосвязь всех проблем. И надо быть стратегом, и работать на перспективу, иначе погрязнешь в мелочах, в латании какой-нибудь трубы, которую надо просто заменить, потому как она уже сгнила. Случалось, что я отказывался от иных помощников — живут одним днем, собирают информацию, а переварить ее не способны. Нет, сегодня я еще не могу сказать, что у нас сложилась крепкая команда. А единомышленники есть, много. Вы с большинством из них уже познакомились и, как понимаю, в некоторых даже влюбились.

— Вы, Михаил Михайлович, правильно понимаете. Как не влюбиться, скажем, в Дмитрия Степановича Косинова. Когда мне встречаются такие люди, я от удовольствия потираю руки: не-е-т, жива и не пропадет Россия! Какой он матерый по своему сложению. И такой же матерый хозяин. Все-то у него сосчитано, все подсчитано. В землю на три аршина видит. Мыслит здраво, трезво. И — что

тоже очень хорошо — где надо, себе на уме. Бог. Ваш водяной бог. По-иному привлекателен Виктор Августович Цимфер — молодой, статный, красивый, ни дать ни взять Аполлон. Между прочим, этот олимпийский бог, кроме всего множества «должностей», исполнял еще и «должность» охранителя дорог. Виктор Августович не по-немецки живой, балагуристый, даже нарочито, мне кажется, создает некоторое впечатление этакого ветреного человека, но сколько цепкости, сметливости, решительности, разворотливости в делах... Понравилась его фраза: «Хотел было остаться в Германии, а немцы прогнали, потому что я думмкопф». Надо быть очень неглупым и знающим себе настоящую цену, чтобы так подшучивать над самим собой.

— Теперь, чувствую, пришел черед восхваления Раисы Федоровны Пивень.

— Да, и чувствуете вы верно, поведу речь о ней. «А вот в этом деревянном здании, — говорит Раиса Федоровна, — размещался первый горисполком, теперь — жилой дом. Фундамент его постепенно проседает...» И начинает подробно и толково объяснять, почему это происходит. Потом, глядя на фасад, так же подробно рассказывает, что происходит во дворе. Только богам и богиням дано видеть сквозь стены. Она ваша домовая богиня. Уверен, разбуди ее среди ночи, даст исчерпывающую информацию о состоянии всех коммунальных домов, коих в ее ведении аж семьсот. Нравится мне Валерий Капитонович Шипунов. Тихий, скромный, никак себя не выпячивает, а какой труженик. Много видится приятного в начальнике управления культуры Анатолии Константиновиче Ключеве и в его жене Анне Богдановне. Все, умолкаю, а то что-нибудь о ком-нибудь не так скажу.

— Пока что все так. А пантеон богов в своем деле у нас немаленький. В него входят и начальник ремонтно-строительного управления Владимир Георгиевич Березин, и начальник трамвайного парка Петр Михайлович Довгошея, и директор АО «Горсеть» Василий Титович Пили-

пенко, и его главный инженер Игорь Иванович Моргачев, и директор управления коммунальных котельных и тепловых сетей Валерий Александрович Болвинов, и главврач роддома Людмила Николаевна Печурина, и директор Осинниковского дорожно-строительного управления Эдуард Александрович Дубинский, и главы поселковых администраций: Анатолий Степанович Кузнецов в Сарбале, Надежда Михайловна Седых в Малиновке, Нина Георгиевна Шлей в Тайжине. И в этом же ряду назову директора ресторана «Осинники» Виктора Васильевича Кибакина. Бодьшой умелец, хорошей хозяин. На его предприятии и вкусно готовят, и цены ниже, чем в обычной столовой, поэтому-то горожане свои торжества отмечают именно в «Осинниках».

— Редчайший случай. Похвальные слова говорятся в адрес руководителя такого заведения, которые обычно ругают. Михаил Михайлович, вот вы сейчас за глаза так комплиментарно отзываетесь о людях, которых называете своей опорой. А в глаза им говорите хорошие слова?

— Руководители городских служб — это же такое всегда было племя, которое будто бы только для того и существует, чтобы его ругать, клясть, бить наотмаш. Их бьют, клянут, а они, как ломовые лошади, тянут да тянут свой воз. Несправедливо. Уважать и ценить надо этих людей, говорить слова благодарности, поощрять. Стремлюсь это делать. Вот Дмитрий Степанович Косинов по нашему представлению награжден (первый в области!) орденом «Знак почета». Уверен, будут награждены и другие. Если у кого-то юбилей, поздравляем через все средства массовой информации, приглашаем в администрацию, вручаем цветы, открываем шампанское, говорим теплые слова. Вот недавно так чествовали Владимира Григорьевича Березина и Виктора Анатольевича Крылова, директора Кандалепской автобазы — им исполнилось по пятьдесят лет.

— Хотите, скажу по секрету, что о вас говорят. Например, Раиса Федоровна: «До Маслова к нам так не от-

носились», и другие из ругаемого племени такого же мнения.

— Для меня это не секрет. Они прямо мне такое говорят.

— Что вас вдохновляет в ваших повседневностях и что огорчает?

— Вдохновляет хорошо сделанное дело, нужное людям. Когда вижу, что они довольны, чувствую себя очень счастливым. А огорчает хамство, вероломство. Тут я даже теряюсь. Интриги, сплетни, конечно же, не способствуют вдохновению.

— Какой чертой в себе дорожите?

— Любовью к людям. Не дай Бог, если этот мой двигатель станет давать сбои.

Раиса ШИПИЛОВА

ПОСЕЛОК ВЫСОКИЙ

Железным скрежетом разбужена округа,
Разбужен сон нетронутой земли.
Машина, человек — два неразлучных друга
Неравный спор с природой повели.
И стал расти за домом дом поселок.
Взгляни: ну прямо городок.
Вознесся он на радость новоселам —
Высокий ростом и в плечах широк.

1961

ПЛАСТИЧКА

Ниточка, поющая, живая,
Свернутая змейкой вокруг оси,
Ты кружись, кружись, не уставая.
До людей мой голос донеси.
Помоги. А если не умею,
Ты меня такому научи,
Как к сердцам их чуткостью своею
Подобрать заветные ключи.

1969

Татьяна ВЫЛЕГЖАНИНА

* * *

Прости за то, что я тебя не так любила,
Прости за то, что не умела ждать.
Прости за то, что не хватило силы,
Прости за то, что не сумел меня понять.
Прости за то, что больше не могу,
Прости за то, что очень я устала,
Прости, что сердце вдруг споткнулось на бегу
И мертвым на твою ладонь упало.

* * *

Мне надо совсем немного —
Пол-столько... нет, четверть-столько.
Прости меня, ради бога,
И только... люби, и — только.
Мне надо совсем немного —
Чтоб не были встречи в тягость.
Прости меня, ради бога,
Ты — горе мое и радость.
Мне надо совсем немного —
Всего только три словечка.

Прости меня, ради бога,
Скажи: «Ты мое сердечко».
Мне надо совсем немного —
Чтоб был ты во всем удачлив.
Простишь меня? Ради бога,
Будь счастлив, будь счастлив...

* * *

Было б лучше мне тихо уйти,
Незаметно, не грохая дверью.
Нам давно уже не по пути,
А я, глупая, в это не верю.
Говорим на чужих языках
Ты — на хинди, а я — на малайском.
Все бегом, все скорей, впопыхах,
И — стена между нами китайская.

Николай КУРБАТОВ

СУВЕРЕНИТЕТНОЕ

Я тоже верю в перестройку,
Но у меня кулак тугой..
Вот я вчера полез на койку,
А баба — шварк меня ногой!
И головой еще качает,
И молвит лёжа на краю:
— Ты суверенность нарушаешь
И независимость мою!
Я иждивенец только с виду —
Я работяга, видит Бог..
Пошел и грохнул телевизор,
И все газеты в доме сжег!

ОБ АВТОРАХ ЭТОЙ КНИЖИ

ЖИГУНОВ Николай Михайлович. Жил в Осинниках, затем в селе Николаевка Новокузнецкого района. Стихи его публиковались в периодической печати.

МАСЛОВ Михаил Михайлович. Был председателем поссовета в Малиновке, затем заместителем главы администрации города Осинники, в настоящее время глава администрации. Заслуженный работник культуры.

ТОРБОКОВ Степан Семенович (1900-1980 гг.). Шорский поэт и фольклорист. Жил в улусе Осиновка, потом в поселке Тайлеп. Постоянно печатался в осинниковской городской газете «Маяк коммунизма».

ВОЛОШИН Александр Никитич (1912-1978 гг.). Родился в Санкт-Петербурге. Много лет жил в Осинниках. Работал на шахтах, в городской газете «За уголь». Автор романа «Земля Кузнецкая», удостоенного Сталинской премии.

ШИШКИН Анатолий Алексеевич. Много лет редактировал осинниковскую городскую газету «Маяк коммунизма». Стихи его публиковались в периодических изданиях.

МАЗАЕВ Владимир Михайлович. Родился на Алтае. Детство и юность прошли в селе Куртуково. Автор многих книг прозы, изданных в Кемерове и Москве. Лауреат различных литературных премий. Заслуженный работник культуры. Живет в Кемерове.

Павел МАЙСКИЙ (Мертвецов Павел Николаевич). Родился в пос. Центральный Рудник Кемеровской области. Автор многих поэтических книг, изданных в Сибири и Москве. Живет в пос. Сарбала.

ЗАХАРОВ Виктор Александрович. Родился в Алтайском крае. Инженер. Живет в пос. Сарбала. Стихи его печатались в периодических изданиях.

КУРОПАТОВ Владимир Федорович. Родился в селе Кузедеево. Закончил Осинниковский горный техникум. Работал на шахте «Капитальная-1», преподавал в ГПТУ-45, редактировал многотиражную газету на шахте «Шушталепская». Автор многих книг прозы, изданных в Кемерове и Москве. Лауреат различных литературных премий. Заслуженный работник культуры. Живет в Кемерове.

БОГДАНОВ Евгений Анатольевич. Родился в селе Чарыш Алтайского края. Рос и учился в Осинниках (в пос. Малышев Лог). Работал в различных газетах. Произведения его печатались в альманахе «Огни Кузбасса», в нескольких прозаических сборниках, в газетах. В настоящее время — редактор газеты «Кузнецкий край».

ВЫЛЕГЖАНИНА Татьяна Александровна. Сотрудница администрации. Курирует г. Осинники.

КУРБАТОВ Николай Григорьевич. Редактор осинниковской городской газеты «Время и жизнь». Печатался в периодике.

ШИПИЛОВА Раиса Филипповна. Медицинская сестра. Постоянно печатается в газете «Время и жизнь». Живет в Осинниках.

КРЕКОВ Александр Иннокентьевич. Работал в шахте. Ныне пенсионер. Печатался в периодике. Живет в Осинниках.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Николай ЖИГУНОВ. Осинники (стихи)</i>	6
<i>Михаил МАСЛОВ. Город, в котором мы живем (исторический очерк)</i>	7
<i>Степан ТОРБОКОВ. Гвоздь. Ливень (стихи)</i>	32
<i>Александр ВОЛОШИН. Смотрю в твои глаза. (рассказ)</i>	35
<i>Анатолий ШИШКИН. Старое кино. Жестокая игра. М.Баеву. Урок чистописания. Не года горбатят спину. Меня шилили и строгали (стихи)</i>	48
<i>Владимир МАЗАЕВ. Коль жить да любить (рассказ)</i>	51
<i>Павел МАЙСКИЙ. Из Сарбалинской тетради (стихи)</i>	67
<i>Евгений БОГДАНОВ. Научись на гармошке играть (рассказ)</i>	72
<i>Виктор ЗАХАРОВ. Люблю домишки с деревянной кры- шей. Покос. Памяти земляка В.М.Шукшина (стихи)</i>	93
<i>Владимир КУРОПАТОВ. Из книги «Долгая неделя» (короткие рассказы)</i>	95

<i>Александр КРЕКОВ. Есть формула любви (стихи) ...</i>	114
<i>Николай ЖИГУНОВ. Строфы. У Кондомы. Я в распахнутой шубе. Ты для меня, как дуг. Расцвела талина (стихи)</i>	115
<i>Владимир КУРОПАТОВ. В кругу забот, в кругу людей (очерк)</i>	119
<i>Раиса ШИПИЛОВА. Поселок Высокий. Пластинка (стихи)</i>	137
<i>Татьяна ВЫЛЕГЖАНИНА. Прости... Мне надо совсем немного. Было б лучше мне тихо уйти (стихи)</i>	138
<i>Николай КУРБАТОВ. Суверенитетное (стихи)</i>	140
<i>Об авторах этой книги</i>	141